

Г И Й О М
М Ю С С О

сентрал-парк

Новая книга – и опять ошеломительный успех!
За первые три дня продаж во Франции продано 75 тысяч
экземпляров, за шесть недель – 360 тысяч.

Annotation

Нью-Йорк, Сентрал-парк. Алиса очнулась на скамейке и обнаружила, что скована наручниками с незнакомым мужчиной. Выясняется, что незнакомец — джазовый музыкант.

Ни он, ни она не понимают, как оказались в столь экстравагантной ситуации.

Возможно, это связано с профессией Алисы — она полицейский и пару лет назад расследовала дело серийного убийцы Эрика Вога.

Неужели Вог жив и мстит ей таким образом?

Вопросов больше, чем ответов. Но Алиса уверена, что сможет распутать этот клубок.

И кстати, неплохо бы узнать, кто ее новый знакомый — что-то подсказывает Алисе, что это темная лошадка.

Гийом Мюссо

Сентрал-парк

Guillaume Musso

Central Park

Copyright © XO Éditions, 2014. All rights reserved.

© Кожевникова Е., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Ускользящее существеннее для нас, чем известное.

Сомерсет Моэм

Часть 1
Одной цепью

1. Алиса

*Не сомневаюсь, что в любом человеке таится еще и незнакомец.
Затейник. Обманщик. Хитрец.*

Стивен Кинг

Первое ощущение — свежий ветерок, дующий прямо в лицо.

Легкий шелест листвы. Вдали журчанье ручья. Негромкое щебетанье птиц. Солнечный свет, о котором можно только догадываться, потому что глаза еще закрыты.

Поскрипывание веток. Запах влажной земли. Запах палой листвы. И острый лесной запах серого лишайника.

И где-то вдали — неотчетливый призрачный гул какой-то другой, несогласной с этой стихии.

Алиса Шафер с трудом открыла глаза. Лучи восходящего солнца били прямо в лицо, одежда промокла от росы. Зябкая утренняя сырость пробирала до костей. В горле пересохло, во рту противный горький вкус. Язык не ворочается, руки-ноги застыли, голова налита свинцом.

Привстала и только тогда поняла, что лежит на грубой деревянной скамье. В полном недоумении она обнаружила рядом еще и мужчину. Плотный, коренастый, он привалился к ее боку и давил на нее.

Сердце у нее заколотилось быстро-быстро, и она едва удержала рвущийся из груди вопль ужаса. Она хотела убежать и рванулась со скамейки, но... Принуждена была опуститься обратно на скамью. Ее правая рука была скована наручником с левой рукой незнакомца. Алиса дернулась изо всех сил, но мужчина лежал неподвижно.

«Черт побери!»

Сердце едва не выскакивало из груди. Алиса скосила глаза на часы. Циферблат старенького «Патек Филиппа» был весь поцарапан, но механизм работал исправно, и календарь сообщил: вторник, 8 октября, 8 часов.

«Господи помилуй! Да где же это я?» — спросила себя Алиса, вытирая рукавом мокрое лицо.

Она огляделась вокруг, пытаясь хоть как-то сообразить, где оказалась. Поняла, что находится в золотом осеннем лесу, где есть и совсем зеленые кустики, что кустов много, и они очень разные. Глушь. Тишина. Скамья стоит на лужайке, вокруг растут дубы, чуть поодаль что-то вроде скалистого выступа и снова заросли кустов. Вокруг ни души. Но, учитывая ее престранное положение, это, наверное, и к лучшему.

Алиса посмотрела вверх. Теплое солнечное сияние, зыбкое, словно бы нереальное. Светящиеся нити пронизывают пылающую крону раскидистого вяза, чьи корни уже укрыты плотным ковром влажной листвы.

«Лес Рамбуи? Фонтенбло? Венсенский?» — пыталась сообразить Алиса.

Почтовая открытка с репродукцией импрессионистов плохо сочеталась своим безмятежным свечением с сюрреалистическим пробуждением в обществе незнакомца.

Алиса осторожно наклонилась, чтобы как следует рассмотреть его лицо.

Мужчине, похоже, было лет тридцать пять, возможно, даже сорок, у него были взлохмаченные каштановые волосы и небритые щеки.

«Мертвый?»

Алиса приложила три пальца к шее незнакомца над кадыком, почувствовала, как бьется сонная артерия, и успокоилась. Тип был в отключке, но, к счастью, живой. Она стала его разглядывать. Знает она его или нет? Кто же это может быть? Мошенник, которого она собиралась отправить за решетку? Друг детства, которого с годами не узнать? Нет. Лицо этого человека не говорило ей ровным счетом ничего.

Алиса отвела золотистую прядь, мешавшую смотреть, и принялась изучать металлические браслеты, которые накрепко связали ее с неведомым типом. Наручники как наручники. Стандартная модель, с двойным замком. Такими пользуется не только полиция, но и все частные сыскные агентства в мире. Вполне может быть, она сама и надела эти наручники. Алиса порылась в кармане джинсов, надеясь отыскать ключ.

Но ключа не нашла. Зато во внутреннем кармане кожаной куртки она нащупала пистолет. Решив, что при ней ее табельное оружие, она с облегчением положила руку на рукоять. Но это не был SIG-Sauer, которым обычно пользовалась она и все ее ребята из опергруппы. В кармане лежал «Глок 22» из сверхпрочного пластика. Откуда он у нее, Алиса не имела ни малейшего понятия. Теперь надо выяснить, как обстоит дело с патронами. Но одной свободной рукой это оказалось непросто. Однако она справилась, постаравшись не разбудить крепко спавшего незнакомца. В магазине не хватало одного патрона. Разглядывая пистолет, она увидела на корпусе засохшие пятна крови. Распахнула куртку и обнаружила бурые следы на полах блузки.

«Черт побери! Что же я такое натворила?!»

Свободной рукой Алиса стала массировать себе веки. Начинаясь мигрень уже отдавала в виски, сдавливая голову невидимыми клещами. Алиса глубоко вдохнула, пытаясь отогнать страх, и сосредоточилась на вчерашнем вечере.

Вчера вечером она отправилась с тремя подругами на Елисейские Поля, решив устроить небольшой праздник. Они немало выпили, заходя то в один бар, то в другой, пропуская в каждом по стаканчику. Побывали в «Монлайте», в «Третьем этаже» в «Лондондерри»... Расстались где-то около полуночи. И Алиса, уже одна, отправилась на улицу Франклина Рузвельта, где оставила на подземной автостоянке свою машину...

И что же дальше? Черная дыра. Мозги плавают в тумане. Сколько ни старается припомнить — белое пятно. Пустота. Память заморожена, заблокирована, парализована. Возникает одна и та же картинка: автостоянка.

«Ну, давай же! Давай, черт тебя подери! Напрягись! Что произошло на автостоянке?»

Алиса отчетливо увидела, как платит за стоянку в автомате, потом спускается по лестнице на третий подземный этаж. Конечно, она малость перебрала, это уж точно. До малышки «Ауди» добралась пошатываясь, разблокировала дверь, села за руль и...

«И ничего. Пустое место».

Напрасно Алиса пыталась сосредоточиться и вспомнить. Ее воспоминания замуровала белая каменная стена. Вокруг вчерашней ночи вырос вал Адриана^[1]. Ее слабым попыткам противостояла Великая Китайская стена.

Алиса сглотнула слюну, чувствуя, как внутри вновь просыпается паника, грозя захлестнуть разум. Лес вокруг, кровь на куртке, чужой револьвер...

Нет, дело вовсе не в тяжелом похмелье после веселой вечеринки. Раз она не помнит, как оказалась здесь, значит, ее опоили наркотиком. Это уж как пить дать. Какой-то подосланный гад подсыпал ей в стакан ГНВ. А почему бы и нет? Вполне возможно. За последние годы,

работая полицейским детективом, она часто сталкивалась с преступлениями, совершенными при помощи наркотиков. Это предположение она на время спрятала в укромном уголке и занялась своими карманами. Так. Исчезли бумажник и полицейское удостоверение. В результате она осталась без удостоверения личности, без денег и без мобильного...

Теперь ей было не просто страшно, ей было страшно, тоскливо и безнадежно.

Скрипнула ветка, и стайка испуганных славок мгновенно поднялась в воздух. Ветерок кружил пожелтевшие листья, и один из них коснулся щеки Алисы.левой рукой, помогая себе подбородком, она стала застегивать молнию куртки и тут вдруг заметила у себя на ладони цифры, написанные шариковой ручкой. Бледные цифры. Едва видные. Школьники так пишут шпаргалки.

212558900

Что еще за цифры? К чему относятся? Что означают? Это она их записала? «Возможно, но полной уверенности нет», — решила Алиса, приглядевшись к почерку.

Она на миг прикрыла глаза, подавленная страхом, безнадежностью, растерянностью...

Но сдаваться не собиралась. Не в ее привычке склонять голову. Этой ночью произошло что-то крайне серьезное. И если она ничего не может вспомнить, то человек, с которым она скована, миготом освежит ей память. Во всяком случае, она на это рассчитывала.

Друг это или враг?

Неизвестно. Поэтому, держа «Глок» в руке, Алиса снова вставила в него магазин и навела на своего спутника, тряханув спящего без лишних церемоний.

— Эй, вы! Подъем!

Мужчина был не в силах стряхнуть с себя сон.

— Шевелитесь, старина! — поторопила своего спутника Алиса, потрепав за плечо.

Он заморгал, зевнул и с трудом разлепил веки. Но как только открыл глаза, испуганно дернулся — увидел ствол револьвера, приставленный чуть ли не к его виску.

Потом с испугом и недоумением уставился на Алису, затем повернул голову и с не меньшим недоумением оглядел лес вокруг себя. Полюбовавшись лесом несколько секунд, мужчина сглотнул слюну, открыл рот и спросил по-английски:

— Кто вы такая, черт возьми? И что мы тут делаем?

2. Гэбриэл

В каждом из нас прячется опасный незнакомец.

Братья Гримм

Незнакомец говорил с сильным американским акцентом, почти глотая букву «р».

— Где мы находимся, черт побери?! — повторил он вопрос, хмуря брови.

Алиса крепче сжала в руке пистолет.

— Полагаю, на этот вопрос должны ответить мне вы! — ответила она по-английски, приближая ствол «Глока» вплотную к виску мужчины.

— Не будем нервничать, согласны? — предложил он, попытавшись поднять руки, но поднялась только одна. — Опустите пистолет, с этими штуками шутки плохи...

Он еще до конца не проснулся и, увидев у себя на руке металлический браслет, спросил:

— С какой это радости вы меня так обрядили? В чем, интересно, я провинился? Драку затеял? Наскандалил в общественном месте?

— Наручники на вас надела не я, — мрачно отозвалась Алиса.

Теперь она имела возможность рассмотреть соседа более внимательно: одет в темно-синие джинсы, кеды «Конверс», мятую синюю рубашку и не менее мятую куртку. Глаза светлые, красивые, усталые, под глазами синяки.

— Однако, не жарко, — пожаловался мужчина, зябко втягивая голову в плечи.

Он опустил глаза, собираясь взглянуть на часы у себя на запястье, но часов там не оказалось.

— Дьявольщина! Который теперь час?

— Восемь часов утра.

С трудом он вывернул карманы куртки и возмутился:

— Да вы все у меня украли! Баблю, бумажник, телефон!

— Я ничего не крада, — возразила Алиса. — Меня обчистили точно так же, как вас.

Он пощупал свободной рукой затылок и сообщил:

— Довольно солидная шишка. К этому вы тоже никакого отношения не имеете?

Ответа он, похоже, не ждал.

Он искоса рассматривал соседку: узкие джинсы, кожаная куртка, из-под куртки торчат полы блузки в пятнах крови. Блондинка, худая, стройная, на вид лет тридцать, волосы собраны в узел, который вот-вот распустится. Лицо тяжеловатое, но красивое — высокие скулы, тонкий нос, тонкая кожа, блестящие яркие глаза, отливающие медью осенних листьев.

Резкая боль помешала Гэбриэлу рассматривать спутницу дальше. Ему показалось, что внутри руки пробежал огонь.

— Что еще случилось? — сердито осведомилась Алиса.

— Больно очень, — сморщившись, пожаловался он. — Похоже, как будто рана саднит...

Из-за наручников Гэбриэл не мог снять куртку, не мог закатать рукав рубашки, но, изогнув шею, сумел разглядеть у себя на руке что-то вроде повязки. Похоже, она была наложена недавно, из-под нее сочилась тоненькая струйка крови, добравшаяся уже до запястья.

— Может, не будем больше валять дурочку? — уже на нервах спросил он. — Где мы, в конце концов? В Уиклоу?

Молодая женщина наклонила голову.

— Уиклоу? А где это?

— Лес на южной стороне!

— Южной стороне чего? — уточнила она.

— Хватит надо мной издеваться! Дублина, естественно!

Алиса посмотрела на мужчину квадратными глазами.

— Вы всерьез считаете, что мы в Ирландии?

Он вздохнул и поджал губы.

— А где мы, по-вашему, еще можем быть?

— Я думала, мы во Франции. Под Парижем. Скорее всего в лесу Рамбуйе.

— Не говорите ерунды! Что за дурацкие выдумки! — оборвал он ее. — Вы-то кто такая, в конце концов?

— Девушка с пушкой, так что вопросы задаю я!

Гэбриэл смерил молодую женщину взглядом и удостоверился, что сила не на его стороне. Воцарилось молчание, и он его не прерывал.

— Меня зовут Алиса Шафер, я капитан полиции, работаю в уголовном розыске в Париже. Провела вечер с подругами на Елисейских Полях и понятия не имею, где мы сейчас и каким образом оказались прикованными друг к другу. Кто вы такой, я тоже не знаю. Вам слово!

После секундного колебания незнакомец решил все-таки представиться:

— Я американец. Меня зовут Гэбриэл Кейн, я пианист в джазовом ансамбле. Живу в Лос-Анджелесе, но часто бываю в разъездах, так как мы даем концерты.

— Скажите, что вы помните о вчерашнем дне?

Гэбриэл нахмурился и прикрыл глаза, стараясь сосредоточиться.

— Так... Вчера вечером мы играли с ребятами, бас-гитарой и саксофонистом, в «Браун Шуга», одном из джаз-клубов в квартале Темпл-Бар в Дублине.

«Неужели в Дублине? Парень, похоже, явно с приветом!»

— После концерта я отправился в бар и, вполне возможно, немного увлекся кубинским ромом, — добавил Гэбриэл, открывая глаза.

— А потом?

— Потом...

Он наморщил лоб, закусил губу. Совершенно очевидно, что ему так же трудно вспомнить конец вчерашнего вечера, как и ей.

— Если честно, не знаю. Мне кажется, сначала я поругался с парнем, которому не понравилась моя музыка, а потом клеился к девочкам, но ни одну не снял, потому что слишком нагрузился.

— Классно! Просто шик!

Он, махнув рукой, пропустил ее слова мимо ушей и встал со скамьи, вынудив Алису сделать то же самое. Резким движением руки она заставила его снова сесть.

— Ушел из клуба где-то около полуночи, — твердо сказал Гэбриэл. — Едва держался на ногах. Стал ловить такси на Эстон-куэй. Через несколько минут одна машина остановилась и...

— И что?

— Не знаю, — признался он. — Наверное, я дал адрес моей гостиницы и повалился на сиденье.

— А потом?

— Не знаю, говорю же вам!

Алиса опустила пистолет. Несколько минут они молчали, Алиса переваривала полученную информацию. Дурная новость: неизвестный тип не из тех, кто помог бы ей прояснить ситуацию.

— Вы хотя бы понимаете, что ваш рассказ — идиотская шутка и не более? — наконец проговорила она со вздохом.

— С какой это стати?

— С такой, что мы находимся во Франции!

Гэбриэл окинул взглядом лес вокруг них: деревья, густые заросли кустов, камни, выглядывающие из-за плюща, золотистый шатер осенней листвы прямо над головой. Он загляделся на крону гигантского вяза и заметил двух белок. Они прыгали с ветви на ветку, охотясь за синим дроздом.

— Готов поспорить на последнюю рубашку, что мы не во Франции, — сообщил он, почесывая в затылке.

— Что ж! У нас есть возможность определиться! — раздраженно сказала Алиса, пряча пистолет и заставляя своего спутника встать.

Они покинули лужайку и углубились в заросли кустов и деревьев. Накрепко соединенные друг с другом, они продирались через густой подлесок, взбирались по петляющей тропинке, потом спускались вниз, хватаясь за выступающие из склона камни. Понадобилось минут пятнадцать, чтобы выбраться из лесного лабиринта, где сплеталось множество тропок, и их путь пересекал не один ручеек. Наконец они выбрались на узкую асфальтированную аллею, обсаженную деревьями, которые, сомкнувшись кронами, образовали свод. Чем дальше они продвигались по живому коридору, тем ближе подкатывал гул цивилизации.

Родные, привычные звуки — шум большого города.

Охваченная странным предчувствием, Алиса потащила Гэбриэла к солнечному пятну, золотившемуся на листве кустарника. Свет ослепил их, они продрались сквозь заросли и неожиданно очутились на газоне, за которым раскинулась гладь озера.

И тогда они заметили мост.

Узорный выгнутый металлический мост, изящно перекинутый через один из рукавов озера.

Длинный мост сливочного цвета, украшенный арабесками и вазами с цветами.

Известный, знакомый, снятый в сотне фильмов.

Боу Бридж.

Нет, они не в Париже. И не в Дублине.

Они в Нью-Йорке.

В Централ-парке.

3. Централ-парк. Западная часть

Мы жаждем истины, но в себе находим лишь неуверенность.

Блез Паскаль

— Ну и дела! — прошептал Гэбриэл.

На лице Алисы застыло изумленное и недоуменное выражение.

Как ни трудно было это признать, но факт оставался фактом. Сомнений быть не могло: они проснулись в Рэмбле, самой отдаленной и дикой части Централ-парка, в настоящем лесу, площадью гектаров в пятнадцать, что протянулась от озера на север.

Сердца у обоих колотились как сумасшедшие, едва не выскакивая из груди. Они подошли к озеру и оказались на людной аллее, где царило обычное для раннего утра оживление. Любители бега отлично ладили с велосипедистами, с поклонниками тай-цзы и с собачниками, вышедшими на прогулку со своими питомцами. До боли знакомый шум огромного города обрушился на них: урчание моторов, клаксоны, сирены пожарников и полицейских.

— Бред какой-то! — прошептала Алиса.

Женщина напрягала все свои силы, стараясь понять, что же все-таки с ними произошло. Пока было ясно одно: вчера вечером и она, и Гэбриэл солидно перебрали, поэтому и не могли припомнить, как провели остаток ночи. Но не могло того быть, чтобы обоих без всякого их на то согласия погрузили в самолет и отправили в Нью-Йорк. Хотя Алиса нередко бывала в Нью-Йорке, летала на каникулы вместе с Сеймуром, ее коллегой и лучшим другом. Она прекрасно знала, что полет от Парижа до Нью-Йорка длится восемь часов с небольшим, но из-за разницы во времени получалось, будто летишь всего два часа. Когда они летали с Сеймуром, он брал билет на самолет, вылетающий из аэропорта Шарль де Голль в 8:30, а уже в 10:30 они были в Нью-Йорке. Еще Алиса вспомнила, что последний самолет в Америку вылетает из Парижа где-то около восьми вечера. Но вчера в восемь вечера она точно была еще в Париже. Значит, они с Гэбриэлом летели на частном самолете. Если предположить, что их посадили в самолет в Париже в два часа ночи, в Нью-Йорк они прибыли в четыре утра. Для того чтобы проснуться в восемь утра в Централ-парке, времени вполне достаточно. В книге такое было бы возможно. Но жизнь — это тебе не книга. Частный самолет или не частный, но административные формальности при въезде в Америку существуют, и процедура эта длительная и сложная. Так что версия не работала.

— Oops, sorry!

Паренек на роликовых коньках нечаянно их толкнул. Продолжая извиняться, он недоуменно и с подозрением уставился на наручники.

В мозгу Алисы немедленно вспыхнул сигнал тревоги.

— Нельзя стоять истуканами, чтобы все на нас глазели, — тревожно зашептала она. — Полицейские могут пожаловать сюда с минуты на минуту.

— И что же вы предлагаете?

— Берите меня за руку! Быстро!

— И что?

— Берите меня за руку! Мы влюбленная парочка и гуляем по мосту! — торопила она своего спутника-недотепу.

Гэбриэл взял ее за руку, и они двинулись по Боу-Бридж. Воздух был сухим и холодным. На фоне голубого неба вырисовывались великолепные здания, видные из западной части парка: башни-близнецы «Сан-Ремо» в стиле ар-деко, легендарный фасад «Дакоты», отель «Мажестик», прославившийся своими апартаментами.

— В любом случае мы должны сообщить о себе властям, — высказал свое мнение Гэбриэл, продолжая двигаться вперед.

— Только этого не хватало! Самолично ринуться в волчью пасть!

Гэбриэл возразил:

— Советую внять голосу разума, детка...

— Еще раз назовете деткой, задушу наручниками. Зажму шею и не отпущу, пока концы не отдадите. Покойники, они малоразговорчивые, сами убедитесь.

Мужчина пропустил угрозу мимо ушей.

— Вы ведь француженка, значит, попросите хотя бы совета у вас в посольстве!

— Только после того, как пойму, что произошло этой ночью!

— Имейте в виду, что рассчитывать на меня не стоит. Я не собираюсь затевать игру в двух веселых беглецов. Как только мы выходим из парка, я иду в первый попавшийся по дороге полицейский участок и рассказываю, что с нами приключилось.

— Вы дурак или только притворяетесь? И если вы до сих пор не заметили, то прошу обратить внимание: нас сковали наручниками, дорогой! Мы неразлучны! Неразделимы! По воле случая связаны накрепко! И до тех пор, пока мы не найдем способа разъединиться, *вы* делаете то же, что делаю я!

Боу-Бридж плавно соединял между собой север и юг озера, дикую растительность Рэмбла и парк с аллеями и клумбами. Сойдя с моста, они пошли по дорожке вдоль озера к гранитному куполу фонтана Шерри Хилл.

Гэбриэл продолжал настаивать:

— Почему вы отказываетесь пойти со мной в полицейский участок?

— Потому что, как это ни странно, я знаю, что значит иметь дело с полицией!

Джазист возмутился:

— Знаете — и прекрасно! Но какого черта вы тащите на свою галеру и меня?

— Что значит, *мою* галеру? Да, я сижу по уши в дерьме, но и вы вместе со мной тоже!

— Ничего подобного! Лично мне не в чем себя упрекнуть!

— Неужели? Интересно, откуда такая уверенность? Вы ведь сами сказали, что совершенно не помните, как провели остаток ночи...

Замечание заметно обеспокоило Гэбриэла.

— Вы хотите сказать, что не верите моим словам?

— Ни единому. Ваша байка о баре в Дублине, Кейн, полная лажа!

— Ваша о прогулке на Елисейских Полях тоже! Но это у вас руки по локоть в крови! И это у вас в кармане пушка!

Алиса не дала ему договорить.

— Что правда, то правда, пушка у меня в кармане, поэтому вы закроете рот и будете делать то, что я скажу. Договорились?

Мужчина пожал плечами и горько вздохнул.

Алиса сглотнула слюну, чувствуя, как у нее загорелось под ложечкой, пищевод как будто обожгли кислотой. Стресс. Усталость. Страх. Все сказывается.

Как выйти из этой подлой переделки?

Алиса попыталась собраться с мыслями. Во Франции сейчас едва перевалило за полдень. Ребята из ее подразделения, не увидев с утра начальницы на работе, должны бы уже забеспокоиться. Сеймур в первую очередь и наверняка пытается дозвониться ей по мобильнику. Ему и надо звонить немедленно и просить заняться расследованием. В голове Алисы потихоньку выстроился алгоритм действий. Первое: просмотреть записи видеокамер автостоянки на улице Франклина Рузвельта. Второе: установить, какие частные самолеты вылетели из Парижа после полуночи в Соединенные Штаты. Третье: найти, где стоит ее «Ауди». Четвертое: выяснить, существует ли на свете Гэбриэл Кейн, и если да, то можно ли доверять его рассказу...

Мысль о расследовании, которым предстоит заняться, подействовала на Алису благотворно. Вот уже несколько лет адреналин, сопутствующий ее профессии, был единственным поддерживающим ее силы горючим. По существу, наркотиком, который сначала уничтожил ее жизнь, а потом стал единственным смыслом существования, ради которого она вставала по утрам с постели.

Алиса перевела дыхание и полной грудью вдохнула свежий воздух Сентрал-парка. Успокоенная тем, что полицейский детектив приступил к своим обязанностям, она наметила план ближайших действий. Сеймур под ее руководством займется расследованием во Франции, она здесь, на месте.

По-прежнему держась за руки, Алиса и Гэбриэл вышли на Строберри-Филдс, Земляничную поляну, треугольной формы сад, который шел к западному выходу из парка. Капитан полиции исподтишка поглядывала на музыканта. В первую очередь необходимо установить, кто на самом деле этот человек. Сама она надела на него наручники или нет? И если да, то на каком основании?

Мужчина тоже посматривал на нее с фанфаронистым видом.

— Ну и что вы предлагаете? — поинтересовался он.

Она ответила на его вопрос вопросом.

— Есть у вас в городе знакомые?

— Да. У меня в этом городе есть даже друг, саксофонист Кенни Форест. Другое дело, что сейчас он в турне и находится в Токио.

Тогда Алиса сформулировала вопрос по-другому.

— Стало быть, вы не знаете в этом городе места, где бы мы могли найти инструмент, чтобы избавиться от наручников, переодеться и принять душ?

— Не знаю, — согласился Кейн. — А вы?

— Я?! Я живу в Париже! Я же уже сказала!

— «Живу в Париже! Я же уже сказала», — передразнил он ее с насмешливым видом. — Так послушайте меня! Я не вижу другого способа, кроме как обратиться в полицию! У нас ни цента, нам не во что переодеться, у нас нет возможности подтвердить, кто мы такие...

— Хватит ныть! Для начала нам нужен мобильник. Вот что главное. Разве нет?

— Но у нас ни цента! С этого я начал! Как вы хотите, чтобы мы раздобыли мобильник?

— Проще простого. Украдем — и дело с концом.

4. Скованные одной цепью

В сердцеvine любого препятствия таится новая возможность.

Альберт Эйнштейн

Алиса с Гэбриэлом вышли из парка и оказались на Централ-Парк-Вест, улице, тянущейся вдоль ограды. Сделали несколько шагов по тротуару и сразу погрузились в гущу городской жизни: клаксоны желтых такси, спешащих на всех парах в Мидтаун, зазывания продавцов хот-догов, треск отбойных молотков в руках рабочих дорожной службы.

«Нельзя терять ни минуты!»

Алиса прищурилась, стараясь как можно лучше осмотреться. На противоположной стороне улицы высился импозантный, песочного цвета фасад «Дакоты», здания, под аркой которого тридцать три года тому назад был убит Джон Леннон. Своими башенками, шпилями, окнами, балкончиками «Дакота» сильно выделялась среди других, украшая готикой небо Манхэттена.

«Средневековье в двадцать первом веке».

Уличный торговец разложил на тротуаре свой товар и за гроши продавал туристам футболки и плакаты с изображением «Битлз».

В десятке метров от Алисы шумела группа подростков-испанцев. Ребята фотографировались перед зданием.

Подумать только, тридцать лет прошло, а легенда жива по-прежнему!..

Понаблюдав за ребятами, Алиса наметила себе жертву и в общих чертах прикинула план действий. Подбородком указала на подростков Гэбриэлу.

— Видите мальчика, который говорит по телефону?

Гэбриэл почесал в затылке.

— Какого именно? Половина стоит с телефонами возле уха.

— Толстяка в очках, подстриженного под горшок, в футболке с надписью «Барселона»?

— Почему-то мне кажется, что грабить ребенка нехорошо...

Алиса взорвалась:

— А мне кажется, вы так и не поняли, в каком дерьме завязли мы оба! Ребенку лет шестнадцать, и даже больше, и мы не собираемся его грабить, прихватим телефон, и все дела.

— Я жутко проголодался, — пожаловался Гэбриэл. — Может, сначала прихватим хот-дог?

Алиса испепелила его взглядом.

— Перестаньте паясничать и слушайте меня внимательно. Мы пойдем, тесно прижавшись друг к другу. Когда поравняемся с пареньком, вы толкнете меня на него, и как только я схвачу телефон, бежим со всех ног.

Гэбриэл кивнул:

— Похоже, это нетрудно!

— Не трудно? Скоро убедитесь на собственной шкуре, как легко бегать в наручниках!

Все произошло именно так, как и наметила Алиса. Она воспользовалась минутной растерянностью паренька и выхватила у него мобильник.

— Бежим! — скомандовала она Гэбриэлу.

WALK: замигал зеленый огонек для пешеходов. Беглецы не преминули им воспользоваться, пересекли улицу и свернули за первый же угол. Бежать парой, да еще и в наручниках оказалось куда хуже, чем представлялось Алисе. Мало того что у них был разный шаг, у них был еще и разный рост, вдобавок стальной браслет больно врезался в запястье при каждом рывке.

— Они бегут за нами! — предупредил Гэбриэл, оглянувшись.

Алиса тоже оглянулась и увидела ватагу подростков-испанцев, мчавшихся следом за ними.

«Догонят...»

Она мотнула головой, и они прибавили ходу, сколько могли. 71-я стрит — улица спокойная, каких много в Верхнем Вест-Сайде, с характерными для этого квартала элегантными зданиями из темного кирпича. Широкие тротуары и отсутствие туристов позволили беглецам быстро миновать жилой квартал и выскочить к следующей улице. Подростки не отставали, они тоже прибавили ходу, громко крича на бегу, стараясь оповестить о краже прохожих и привлечь их к погоне.

Коламбус-авеню.

Улицы с каждой минутой все оживленнее. В магазинчиках поднимаются шторы, в кафе появляются посетители, студенты валят бегом из ближайшей станции метро.

— Налево! — закричал Гэбриэл и резко свернул в сторону.

Изменение маршрута застало Алису врасплох. Она с трудом сохранила равновесие и громко вскрикнула, почувствовав, как челюсти наручника впились ей в руку.

Они помчались вниз по улице, толкая прохожих, опрокидывая лотки и рекламу, едва не раздавив карликового терьера.

«Ох, сколько же здесь народу!»

Кружится голова. Подступает дурнота. Со всех сторон люди. Стремясь избавиться от толпы, они перекочевали на мостовую.

«Неудачная мысль...»

Чуть не попали под машину. Желтое такси, взвизгнув тормозами, остановилось, и шофер отпустил им в спину мощный поток брани. Алиса споткнулась о край тротуара, стальной браслет снова впился ей в запястье, она потеряла равновесие и полетела, увлекая за собой Гэбриэла, выпустив из рук мобильник, ради которого они столько мучились.

«Дерьмо собачье!»

Гэбриэл подхватил мобильник на лету.

«Вставай!»

И вот они снова на ногах. Оглянулись, проверяя, как ведут себя преследователи. Большинство ребят оставили погоню, но двое подростков продолжали их преследовать, подарив себе удовольствие устроить гонки на Манхэттене. Они не сомневались, что выйдут победителями, и воображали, как, вернувшись, будут глумиться над приятелями.

— Быстро, однако, бегают эти паршивцы, — отдуваясь, заметил Гэбриэл. — Я уже слишком стар для подобных дурачеств!

— Поднажмем еще немного, — подбодрила его Алиса, вынуждая снова пуститься бегом.

Каждый шаг был пыткой, но они не сдавались. Бежали вперед, крепко держась за руки. Десять метров, пятьдесят, сто... Перед глазами сменялись картинки: пар из сточной канавы, клубясь, поднимается в небо, пожарная лестница вьется по фасаду кирпичного дома, мальчишки строят гримасы, глядя из окон школьного автобуса. И один за другим небоскребы

из стекла и бетона, яркие вывески, рекламные щиты.

67-я улица. 66-я.

У обоих руки в крови, сердце колотится в горле, но они продолжают бежать. И главное, быстро. Адреналин, мальчишки, бегущие по пятам, заставили заработать второе дыхание. Алиса и Гэбриэл приспособились, бегут дружнее, увереннее. И вот они на пересечении Коламбус-авеню и Бродвея. Улицы уже нет, есть гигантский перекресток, место встречи трех артерий, каждая с четырьмя рядами машин. Едва бросив взгляд, беглецы мигом оценили ситуацию и поняли друг друга.

— Вперед!

Рискуя жизнью, они бросились через перекресток по диагонали под визг тормозов и бурю проклятий.

Восточная часть Бродвея между 65-й и 62-й авеню целиком занята культурным комплексом Линкольн-центра, частью которого является и великолепная «Метрополитен-опера». Алиса подняла глаза, пытаясь сориентироваться. Гигантский многоэтажный корабль из стекла и металла выдвинул острый нос почти до середины улицы.

Алиса узнала Джульярдскую школу. Они когда-то проходили мимо нее с Сеймуром. Фасад прозрачный, а за ним можно рассмотреть балерин у станка или музыкантов, которые репетируют в студиях.

— Подземный паркинг Оперы, — шепнула Алиса, указав подбородком на бетонированный пандус, ведущий под землю.

Гэбриэл одобрительно кивнул. Они углубились в гудроновое нутро, увливая от машин, которые поднимались вверх, к выходу. Оказавшись на первом этаже стоянки, собрали последние силы и пересекли его, потом поднялись по лестнице и вышли через другой выход — в другом конце квартала, в Дэмроч-парке.

Вновь оказавшись на улице, Алиса с Гэбриэлом с величайшим облегчением убедились, что на этот раз преследователи окончательно отстали.

* * *

Привалившись к ограде, окружавшей эспланаду, Алиса и Гэбриэль пытались отдышаться. Оба были в поту, у обоих кровоточили запястья.

— Давайте сюда телефон! — скомандовала Алиса.

— Щас. Ой! А я его потерял! — воскликнул Гэбриэл, хватаясь за карман.

— Не может быть! Вы...

— Я пошутил, — успокоил он ее и протянул смартфон.

Алиса послала шутнику убийственный взгляд и уже открыла рот, чтобы как следует обругать его, но вдруг застыла. Металлический вкус, головокружение, к горлу подступила тошнота — Алисе пришлось нагнуться над цветочным вазоном и выплюнуть жгучую желчь.

— Хорошо бы вам водички попить.

— А еще лучше поесть.

— Я же говорил, сначала нужно свистнуть хот-дог.

Они осторожно двинулись вперед, добрались до небольшого фонтана и напились из него, наконец-то утолив жажду. Дэмроч-парк, выходящий одним концом на Нью-Йорк-сити Балет, а другим — к стеклянным аркам великолепной «Метрополитен-опера», был

переполнен народом, так что внимания на беглецов никто не обратил. Суэта. Толкотня. Тут же у ограды рабочие натягивают тенты и готовят подиум для показа мод, который очень скоро начнется.

Алисе стало легче, после того как она попила, она взяла телефон, убедилась, что он не заблокирован, и набрала номер Сеймура.

Дождаясь его ответа, прижала мобильник подбородком к плечу и стала массировать затылок. Сердце билось как сумасшедшее.

«Сеймур, возьми трубку...»

Сеймур Ломбар был ее заместителем в следственно-оперативной группе. Всего «группа Шафер» состояла из пяти человек, и занимали они четыре небольших кабинета на четвертом этаже дома № 36 на набережной Орфевр.

Алиса взглянула на часы, пытаясь сообразить, который теперь в Париже час, учитывая разницу во времени. Двадцать минут третьего.

Полицейский откликнулся после третьего сигнала, но шум голосов, который слышался в трубке, делал разговор затруднительным. Если Сеймур еще не на рабочем месте, значит, он обедает.

— Сеймур?

— Алиса?! Ты где, черт подери? Я послал тебе тучу эсмэсок!

— Я на Манхэттене.

— Ты... Ты надо мной издеваешься?

— Мне нужна твоя помощь, Сеймур!

— Очень плохо тебя слышу!

Алиса тоже очень плохо его слышала. Связь никудышная. Прерывистая. Голос помощника доходил совершенно непохожим, металлическим...

— Ты где, Сеймур?

— На улице Дофин, обедаю в «Каво дю пале». Слушай, я буду на работе через пять минут и сразу перезвоню. Договорились?

— Договорились. Номер у тебя высветился?

— Да.

— Супер. Не тяни. У меня для тебя работа.

Алиса, совершенно взвинченная, отключилась и протянула мобильник джазисту.

— Если надо позвонить, звоните сейчас. Даю вам пять минут. Действуйте!

Гэбриэл смотрел на нее с неподдельным интересом. Несмотря на все опасности и неприятности, он улыбался. Улыбался и глядел на Алису с легкой насмешкой.

— Вы со всеми говорите приказным тоном?

— Не тяните резину и не трепите мне нервы! — тут же оборвала его Алиса. — Вам нужен телефон или нет?

Гэбриэл взял телефон и на секунду задумался.

— Позвоню-ка я, пожалуй, Кенни Форесту.

— Саксофонисту? Но вы же только что сказали, что он в Токио!

— А вдруг он оставил ключи от квартиры соседям или консьержке? Вы знаете, который сейчас час в Японии? — спросил он, набирая номер.

Алиса посчитала по пальцам.

— Думаю, около десяти вечера.

— Черт! У него как раз концерт!

Разумеется, ответил Гэбриэлу автоответчик, но он оставил сообщение, объяснив, что он в Нью-Йорке, и пообещав перезвонить попозже.

Гэбриэл вернул телефон Алисе. Она не отрывала взгляда от часов.

«Шевелись же, Сеймур!» — молила она про себя, сжимая изо всех сил смартфон. Она уже собиралась снова набрать номер помощника, как вдруг заметила написанные шариковой ручкой цифры у себя на ладони. Еще немного, и они бы совсем стерлись.

Она показала ладонь Гэбриэлу и спросила:

— Это вам что-нибудь говорит?

Он посмотрел: 2125558900.

— Я увидела эти цифры, когда проснулась сегодня утром, но не помню, чтобы я их писала.

— Может, это номер телефона? Дайте-ка подумать. Все! Знаю! — воскликнул Гэбриэл. — 212 — это код Манхэттена. А вы уверены, что на самом деле работаете в полиции?

«Да, действительно. Странно, что я сразу сама не сообразила».

Сарказм спутника Алиса пропустила мимо ушей и набрала номер. Ей тотчас же ответили.

— Гостиница «Гринвич», добрый день. Кэндис к вашим услугам. Чем могу помочь?

«Значит, гостиница?»

Алиса лихорадочно соображала. Почему у нее оказался номер гостиницы? Может, она там остановилась? Предположение маловероятное, но она все же рискнула:

— Могу я поговорить с мисс Алисой Шафер?

Дежурная на ресепшене после недолгого молчания ответила:

— Вынуждена вас огорчить, мэм, но среди наших постояльцев такой не числится.

— Вы уверены?

— Абсолютно, мэм. Мне очень жаль.

Не успела Алиса положить трубку, как на экране появился номер Сеймура. Он звонил уже второй раз. Алиса не дала себе труда поблагодарить собеседницу, отключилась и сразу заговорила со своим помощником.

— Ты у себя, Сеймур?

— Только вошел, — ответил тот, слегка задыхаясь. — Что это еще за история с Нью-Йорком? Надеюсь, ты шутишь?

— К несчастью, нет. У меня очень мало времени, и мне очень нужна твоя помощь.

В нескольких словах Алиса описала все, что с ней произошло со вчерашнего вечера: небольшой праздник с подругами на Елисейских Полях, провал в памяти после того, как она пришла на автостоянку, пробуждение в Сентрал-парке прикованной наручником к незнакомцу, и, наконец, кража мобильного, чтобы дозвониться ему, Сеймуру.

— Да ну тебя, Алиса! Хватит меня разыгрывать! Нам, ей-богу, сейчас не до развлечений! Работы полно. Тебя хочет видеть судья, он отказал нам в просьбе поставить на слушание дело Сикара. А Таландье...

— Да выслушай же меня, черт побери! — повысила голос Алиса:

На глаза у нее навернулись слезы, нервы явно сдавали. Даже на другом конце Атлантики помощник должен был уловить, как дрогнул у начальницы голос.

— Мне не до шуток! Я в опасности и могу рассчитывать только на тебя!

— Хорошо. Я понял. Успокойся. Почему ты не хочешь обратиться в полицию?

— Почему? Потому что у меня в кармане куртки чужая пушка, Сеймур. Потому что на блузке у меня пятна крови. Потому что у меня нет никаких документов. Вот почему я и не хочу обращаться в полицию. Меня просто-напросто упекут за решетку и не подумают ни о чем спрашивать.

— Но ведь трупа-то нет, — заметил помощник.

— Я в этом не уверена. И сначала мне надо выяснить, что со мной произошло. А в первую очередь снять с себя наручник.

— Что я могу для тебя сделать?

— У тебя мать американка. У тебя здесь родственники, знакомые...

— Моя мать живет в Сиэтле, ты же знаешь. Из родни в Нью-Йорке только двоюродная бабушка, которой девяносто пять лет. Старушка живет в Верхнем Ист-Сайде, если ты помнишь. Мы ее навещали, когда в первый раз приехали на Манхэттен. Уверяю тебя, у нее нет инструментов для снятия наручников, и она вряд ли сможет тебе чем-то помочь.

— Что же делать?

— Дай немного подумать. Может, придет в голову что-то толковое. Сама понимаешь, до того, как давать тебе какой-то адрес, нужно созвониться с хозяином.

— Согласна, но умоляю, действуй как можно быстрее.

Алиса повесила трубку и сжала кулаки. Гэбриэл посмотрел ей в глаза. Ему передавались вибрации «партнерши», он чувствовал ее гнев, ее отчаяние.

— А кто такой этот ваш Сеймур?

— Мой помощник в группе расследований и мой лучший друг.

— Вы уверены, что ему можно доверять?

— На все сто.

— Я не все понимаю по-французски, но мне показалось, что он не слишком торопится вам помочь.

Алиса ничего не ответила, и он продолжал:

— А гостиница? Там ничего не прояснилось?

— Нет, как вы сами могли слышать, раз слушаете мои разговоры.

— И рад бы не слушать, но не получается. Учитывая обстоятельства, надеюсь, мисс извинит мою нескромность, — насмешливо добавил он. — И как вы любезно напомнили, не я один нахожусь в этом неблагоприятном положении.

Алиса отвернулась, чтобы не смотреть на Кейна. Она была вне себя.

— Хватит меня изучать, — злобно процедила она. — Лучше позвоните! Наверняка вам есть кого предупредить: жену, подругу...

— Некого. Я свободен как ветер. По девушке в каждом порту — вот мой девиз. Я свободен, как музыка, что льется из-под моих пальцев!

— Ясно! Одинок и свободен. Я знаю мужчин такого типа.

— А вы? У вас есть муж или друг?

Она мотнула головой, отменяя вопрос, но Гэбриэл почувствовал, что задел весьма болезненную точку.

— Нет, Алиса, я серьезно: вы замужем?

— Идите к черту, Кейн!

— Я все понял, вы замужем, — сделал он вывод.

Отрицания не последовало, и Гэбриэл ринулся в открывшуюся брешь:

— Так почему же вы не позвонили мужу?

Кулаки Алисы снова сжались.

— Ваша семейная жизнь помахала вам крылышком? Неудивительно! С таким-то характером!

Алиса взглянула на него так, словно он вонзил ей в живот нож и повернул. После короткого молчания с гневом и болью она ответила:

— Потому что моего мужа нет в живых, болван!

* * *

Огорчившись, что допустил такую оплошность, Гэбриэл сделал скорбное лицо, но извиниться и высказать соболезнования не успел — телефон выдал чудовищную трель, что-то вроде сальсы на электрогитаре.

— Слушаю, Сеймур!

— Алиса! Я нашел способ разрешить твою проблему! Помнишь Никки Никовски?

— Напомни, пожалуйста!

— Когда мы приезжали в Нью-Йорк в последний раз, тогда, на Новый год, мы ходили на выставку современных художников...

— В большом доме неподалеку от набережной, да?

— Именно, в квартале Ред-Хук. Там мы долго разговаривали с одной художницей, она делает трафаретную печать на железных и алюминиевых листах.

— В конце концов ты даже купил две ее работы для своей коллекции, — вспомнила Алиса.

— Точно. Эта художница и есть Никки Никовски. Мы с ней поддерживаем отношения, и я только что с ней говорил. У нее мастерская в здании бывшей фабрики и есть инструменты, чтобы избавить тебя от наручников. Она готова тебе помочь.

У Алисы вырвался вздох облегчения.

Обрадованная замечательной новостью, она тут же изложила помощнику план ближайших действий.

— Тебе тоже придется заняться расследованием, Сеймур! Начни с роликов видеонаблюдения подземной автостоянки на улице Франклина Рузвельта. Узнай, стоит ли там моя машина.

Полицейский перебил:

— Ты сказала, у тебя украли все документы. Я могу попробовать разыскать твой мобильник и узнать, не было ли попыток снять деньги с твоего счета в банке.

— Отлично. Еще узнай, какие частные самолеты вылетали этой ночью из Парижа в Нью-Йорк. Начни с Бурже, а потом просмотри все деловые аэропорты парижского района. Еще собери информацию о Гэбриэле Кейне, пианисте, американском джазисте. Узнай, играл ли он вчера вечером в дублинском клубе «Браун Шуга».

— Информацию об мне? — попытался возмущенно вмешаться Гэбриэл. — Мне кажется, это уже слишком!

Алиса, махнув рукой, приказала ему замолчать и продолжала диктовать порядок действий помощнику.

— Расспроси моих подруг — кто знает, может, тоже что-то подскажут. Карин Пайе, Малика Хадад и Самиа Чуаки. Мы вместе учились на юридическом. Телефоны найдешь в

компьютере у меня в кабинете.

— Ладно.

Внезапно Алисе в голову пришла еще одна мысль.

— На всякий случай попробуй, вдруг получится установить происхождение револьвера «Глок 22», сейчас назову тебе серийный номер.

Алиса назвала сочетание букв и цифр, выгравированных на пистолете.

— Записал. Сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе, Алиса. Но мне кажется, нужно предупредить Таландые.

Алиса прикрыла глаза. Мысленно представила себе Матильду Таландые, начальника отдела уголовных расследований. Таландые ее терпеть не могла, и это чувство было взаимным. После «дела Эрика Вога» Матильда не раз пыталась выжить Алису с набережной Орфевр, но начальство ее пока защищало. Не почему-нибудь. Просто не желая создавать лишней шумихи, привлекать прессу. И Алиса прекрасно сознавала, что ее положение на работе шатко и ненадежно.

— И речи быть не может, — отрезала она. — Никому ни слова и занимайся моим делом в одиночку. Я не раз спасала твою репутацию, так что и ты можешь разок пойти на риск ради меня, Сеймур!

— Ладно, согласен. Я тебе перезвоню, как только будут какие-то новости.

— Я сама тебе позвоню. Этот телефон я оставлять себе не собираюсь. А теперь скинь мне данные Никки Никовски.

Алиса отключилась, и через несколько секунд на экране смартфона появился адрес мастерской художницы. Алиса кликнула карту и постаралась определить, куда им придется держать путь.

— Не скажешь, что Ред-Хук прямо у нас под боком, — заметил Гэбриэл, тоже разглядывая план.

Алиса впиалась глазами в карту и водила по ней пальцем, стараясь как можно лучше запомнить местоположение мастерской. Она находилась в юго-восточной части Бруклина. Пешком им туда не добраться, это уж точно. Впрочем, и на городском транспорте тоже.

— Ни единого цента, так что не заплатить ни за автобус, ни за метро, — вздохнул Гэбриэл, словно бы читая мысли Алисы.

— И что вы предлагаете? — осведомилась она с явным желанием его поддеть.

— Ничего особенного, придется угнать машину, — спокойно сказал он. — Но на этот раз вы позволите совершить кражу мне, хорошо?

* * *

На углу Амстердам-авеню и 61-й стрит между двух жилых домов обнаружился небольшой дворик.

Гэбриэл ударом локтя разбил стекло старенького «Мини Купера». Они с Алисой не пожалели времени, чтобы отыскать машину, которая стояла бы в укромном уголке и была бы не слишком навороченной, чтобы заводиться по старинке.

И вот они нашли двухцветный «Остин Купер S» с темно-коричневым кузовом и белой крышей. Писк моды в конце 60-х, которую какой-то коллекционер любовно восстановил до винтика.

— Вы уверены, что знаете, что делаете? — осведомилась Алиса.

Гэбриэл ушел от прямого ответа.

— В жизни ни в чем нельзя быть уверенным, — дипломатично отозвался он.

Затем просунул руку в разбитое стекло и открыл дверцу. Вопреки общепринятому мнению, распространившемуся благодаря кино, украсть машину — дело вовсе не плевое. Без ключа зажигания с этим не управиться. А если ты не просто в наручниках, а еще и прикован к кому-то...

Гэбриэл сел на водительское место и склонился над рулем, который блестел алюминием и полированным деревом. Предстояло как-то решать проблему с зажиганием. Алиса оперлась на окно и сделала вид, что ведет с ним беседу.

Не сговариваясь, они мгновенно распределили роли: она встала на караул, он разбирался с мотором.

Гэбриэл поддел пластиковую накладку, которая закрывала доступ к рулевой стойке, и она с сухим треском поддалась. Итак, он получил доступ к проводам. Из пластикового цилиндра торчали три пары проводов разного цвета.

— Где вы этому научились?

— Улица научила. Адрес школы — квартал Инглвуд, южная часть Чикаго.

Гэбриэл внимательно рассматривал пучок проводов, стараясь определить, какая пара активирует аккумулятор.

Он показал на два коричневых и сказал:

— Это вот кабель, который питает всю электрическую сеть автомобиля.

— Уж не сплю ли я? Вы что, задумали прочитать мне курс по устройству двигателя?

Обиженный Гэбриэл взял два проводка, зачистил их и соединил. Панель управления сразу ожила.

— Хватит копать, черт вас побери! Женщина вышла на балкон и, похоже, обратила на нас внимание!

— А вы думаете, легко «копать» одной рукой! Посмотрел бы я, что вы делали бы на моем месте!

— Да вы только и умеете, что хвастать! Тоже мне уличная школа!

Понукаемый Алисой, пренебрегая всеми правилами безопасности, Гэбриэл зачистил зубами еще одну пару проводков.

— Помогли бы лучше, чем командовать! Возьмите этот проводок и аккуратненько коснитесь моего. Вот так, да...

Проводки соприкоснулись, между ними пробежала искра, и Алиса с Гэбриэлом услышали, что мотор заработал. Обрадованные, они обменялись быстрым взглядом сообщников, празднуя свою маленькую победу.

— А теперь вперед! — распорядилась Алиса, проталкивая Гэбриэла на соседнее сиденье. — Поведу я!

— Не может быть и ре...

— Это приказ, — оборвала она. — К тому же у нас нет выбора. Я держу руль, вы переключаете скорости.

Одни вещи лучше усваиваются в тишине, другие в бурю.

Уилла Кэсер

Белая с голубым полицейская машина «Форд Таурус» стояла на углу Бродвея и 66-й улицы.

«Ну, Майк! Ну, быстрее же, быстрее!»

За рулем сидела Джоди Кастелло, девушка двадцати четырех лет, и в нетерпении барабанила пальцами.

Она поступила в нью-йоркскую полицию в начале месяца, и работа оказалась совсем не такой увлекательной, как она ожидала. Вот и сейчас она заступила на дежурство всего полчаса назад и уже успела отсидеть ногу. Ее сектором патрулирования был район на запад от Сентрал-парка. Богатый и слишком спокойный, на ее вкус. За две недели работы она только и делала, что объясняла дорогу туристам, гонялась за мелкими воришками, одергивала слишком рьяных автомобилистов и гоняла с тротуаров пьянчужек, надумавших присесть и распить бутылочку.

Да, с районом ей не повезло, но еще больше не повезло с напарником. Не напарник, а сплошное издевательство. Майку Эрнандесу осталось полгода до пенсии, и он уже думать не думал о работе. На работу ему было плевать, он думал только о жратве и делал все возможное, чтобы на его долю никаких неприятностей не перепало. День состоял из «остановочек с гамбургером», «перерывчиков с пончиком», «передышек со стаканчиком кока-колы». При любой возможности Майк точил лясы с торговцами и туристами. Своеобразное, прямо скажем, представление о долге полицейского...

«Ну, хватит уже! Возвращайся! — нервничала Джоди. — Не два же часа покупают пачку печенья!»

Она застегнула китель и вышла из машины, хлопнув дверью. Сейчас она сама пойдет в эту лавочку и вытащит оттуда напарника. И тут она заметила бегущих в ее сторону шестерых подростков.

— *Ladron, ladron!*

Джоди строго приказала им успокоиться, а потом милостиво согласилась выслушать испанских туристов, которые кое-как объяснялись по-английски. Поначалу она поняла, что речь идет о банальной краже телефона, и собралась отправить их в отделение 20-го округа, с тем чтобы они оставили там заявление. Но тут ее внимание привлекла одна крайне любопытная подробность.

— Ты уверен, что воры были скованы наручниками? — уточнила она у мальчишки, который казался самым сообразительным и в то же время самым неказистым — в майке болельщика команды «Барселона», в очках с толстыми линзами, стриженный под горшок.

— Уверен, — ответил испанец, и его товарищи громкими криками подтвердили его мнение.

Джоди прикусила верхнюю губу.

«Заключенные?»

Трудно в это поверить. Сегодня с утра она, как обычно, изучила сводку, которую рассылают коллеги из главного управления, и там не упоминались ни побег из тюрьмы, ни

другие нарушители, которые напоминали бы эту парочку мошенников.

Но Джоди доверяла своей интуиции и поэтому достала из бардачка цифровой планшет.

— Какой марки у тебя телефон? — спросила она у паренька.

Выслушала ответ и связалась со службой Cloud Computing производителя. Затем попросила подростка дать адрес его электронной почты и сообщить пароль.

Теперь она могла следить за сообщениями пользователя, узнать список его адресатов, а также определить, где находится смартфон. Джоди прекрасно умела пользоваться этой службой. Полгода назад она использовала ее для личных нужд. И очень легко отыскала своего дружка и определила, что тот находится у любовницы. Неверность была доказана. Джоди нажала на встроенную мышь и запустила программу. На экране замигала голубая точка. Судя по ней, телефон паренька сейчас на середине Бруклинского моста.

Как видно, воры не ограничились кражей телефона, они еще и угнали автомобиль. И теперь удирают с Манхэттена!

От радужной перспективы хандру с Джоди как рукой сняло. Наконец-то появилась возможность заняться настоящим делом! А в случае успеха можно надеяться на повышение и более перспективную работу.

По инструкции она должна была бы просто передать полученную информацию коллегам по патрульной службе, и патруль Бруклина задержал бы подозреваемых. Но Джоди вовсе не улыбалось упустить из рук такое потрясающее дело.

Она взглянула на кондитерскую, где продавались пончики. Майк Эрнандес, как видно, застрял там надолго.

«Тем хуже для него!»

Джоди уселась за руль, включила мигалку, сирену и ринулась в погоню по направлению к Бруклину.

* * *

Бывший квартал докеров, с трех сторон окруженный водой, занимал окончание мыса полуострова в восточной части Бруклина.

«Мини Купер» въехал на Ван-Брант-стрит, главную артерию Ред-Хука, пересекавшую весь квартал с севера на юг и завершавшуюся тупиком. Она упиралась в сетку, которая огороживала промзону, выходящую к набережной.

Алиса и Гэбриэл остановились у выщербленного тротуара.

Из-за проклятых наручников они были вынуждены выбираться из одной дверцы. Солнце ярко сияло, не мешая задувать ледяному ветру.

— Однако, холодрыга! — пожаловался джазист, поднимая воротник куртки.

Приглядевшись, Алиса узнала район, в котором они оказались. Куда ни глянь — индустриальный пейзаж: используемые не по назначению склады, кордебалет подъемных кранов, плоскодонки в соседстве с баржами.

Ощущение края света, и ему в помощь — фунтики дыма из дальних труб.

Они здесь были с Сеймуром. Тогда квартал еще не опомнился после урагана «Сэнди». Вода затопила все подвалы и первые этажи зданий, которые стояли в опасной близости к океану. Сейчас, похоже, все уже успели привести в порядок.

— Мастерская Никки Никовски вот в том доме, — показала Алиса на величественную

постройку из кирпича. Судя по башенкам и трубам, это была процветающая фабрика во времена промышленного расцвета Бруклина.

Они двинулись к зданию, стоящему прямо напротив моря. Набережная была почти пуста. Ни прохожих, ни туристов. Несколько маленьких кафе и небольших магазинчиков выстроились вдоль Ван-Брант-стрит, но сейчас все еще были закрыты.

— Так кто эта женщина, к которой мы идем? — спросил Гэбриэл, перешагивая через канализационную трубу.

— Топ-модель, чья известность пришла на девяностые.

В глазах джазмена зажегся огонек любопытства.

— Неужели настоящая модель?

— Немного же вам надо, чтобы воспламениться, — заметила Алиса, и в голосе ее послышался упрек.

— Меня удивило, как резко она поменяла курс, — объяснил он, впрочем несколько смутившись.

— Как бы там ни было, но ее картины и скульптуры стали ценить галеристы.

— Ваш друг Сеймур любитель современного искусства?

— Да. И не просто любитель, а серьезный коллекционер. Он унаследовал эту страсть от отца вместе с солидным состоянием, благодаря которому продолжает ей служить.

— А вы?

Алиса пожала плечами:

— Я ничего не смыслю в искусстве. Каждому свое, но по части страсти к охоте я, пожалуй, ему не уступлю.

— И в какой же области?

— Моя дичь — преступники и убийцы.

Оказавшись у бывшей фабрики, они на секунду застыли в растерянности перед железной дверью, ведущей в дом, но тут же обнаружили, что она не заперта. Вошли в лифт, похожий на металлическую клетку, нажали кнопку последнего этажа. Кабинка открылась на бетонированной площадке, и они подошли к единственной на ней тяжелой металлической двери. Пришлось позвонить не один раз, прежде чем дверь открылась.

На пороге — Никки в большом кожаном фартуке, толстых перчатках, в шлеме, защищающем уши от шума, темных очках и защитной маске. В таком виде предстала перед гостями хозяйка. Точеная фигура бывшей манекенщицы совсем не угадывалась под спецодеждой кузнечных дел мастера.

— Добрый день! Меня зовут Алиса Шафер. Мой друг Сеймур, вероятно...

— Входите быстрее! — оборвала ее Никки, приподнимая маску вместе с темными очками. — Предупреждаю, мне нет дела до ваших историй, и я не хочу быть в них замешанной. Я избавляю вас от наручников, и вы сразу же сваливаете. Ясно?

Гости согласно закивали, и хозяйка закрыла за ними дверь.

Мастерская тоже больше походила на кузню, чем на мастерскую художника. Огромное помещение, освещенное лампами дневного света, было увешано всевозможными инструментами. Чего тут только не было: молот и маленькие молоточки, сварочный аппарат, паяльная лампа, газовый резак... В горне пламенели угли, бросая алые отсветы на наковальню и кочергу.

Гости последовали за Никки, с трудом пробираясь между металлическими конструкциями, загромоздившими все пространство. Трафаретная печать на металле

отливала пурпурными и охристыми бликами. Скульптуры из ржавого железа своими острыми верхушками грозили проткнуть потолок.

— Садитесь вот здесь, — распорядилась скульпторша, указав на два продавленных стула по сторонам верстака, которые она потрудилась достать, дожидаясь прихода гостей.

Торопясь как можно скорее оказаться на свободе, Алиса и Гэбриэл поспешно заняли места. Никки вставила диск в болгарку и попросила зажать цепь наручников тисками на верстаке. Затем она включила пилу, которая яростно взревела, и подошла к гостям.

Диск справился с цепью в две секунды, и пленники наконец-то освободились друг от друга. Несколько ударов долотом заставили поддаться замки на металлических браслетах.

«Наконец-то!» — вздохнула про себя Алиса, разминая опухшую, всю в ссадинах кисть.

Она начала было благодарить скульпторшу, но Никовски сухо ее прервала.

— Теперь марш отсюда! — произнесла она, указывая на дверь.

И счастливые обретенной свободой, гости покинули мастерскую.

* * *

И вот Алиса с Гэбриэлом снова на набережной, и на устах у обоих счастливая улыбка. Освобождение не помогло им прояснить ситуацию, но зато какой это важный этап! Каждый вновь обрел самостоятельность, и сделан первый шаг к выяснению истины.

Они шли вдоль заброшенных доков, наслаждаясь ощущением невероятной легкости. Им казалось, что они сбросили тяжелейший груз. Даже ветер потеплел. Но пустыри, заброшенные ангары и склады на фоне безмятежной небесной синевы не стали милее. Зато какой волшебный вид открывался на залив! Взгляд обнимал его весь целиком — от нью-йоркской статуи Свободы до Нью-Джерси.

— Пошли. Угощу вас чашкой капучино, — предложил Гэбриэл, весело указывая на маленькое кафе, расположившееся в старом вагончике трамвая, расписанном граффити.

Алиса тут же облила весельчака ушатом холодной воды.

— И чем будете платить? Или тоже украдете?

Гэбриэл сник, вернувшись с небес на землю. Потом пощупал предплечье. Боль, которую он чувствовал проснувшись, теперь усилилась.

Он снял куртку. На рукаве рубашки виднелись пятна крови. Он закатал рукав и увидел повязку. Широкий бинт побурел от засохшей крови. Гэбриэл снял повязку и увидел, что рука вся изранена, и ранки сразу же начали кровоточить. Похоже, что руку ему изрезали бритвой, но, по счастью, порезы были неглубокими. Однако кровоточащие царапины были нанесены не просто так...

— Да это же цифры! — воскликнула Алиса, помогая Гэбриэлу промокнуть сочащуюся кровь.

На коже отчетливо вырисовывалось число 141197, написанное кровоточащими насечками.

Лицо Гэбриэла мгновенно изменилось. Только что он сиял, радуясь обретенной свободе, теперь им снова владели раздражение и беспокойство.

— Это что еще за мерзость? Честное слово, вся эта фантазмагория начинает действовать мне на нервы!

— Во всяком случае, это не номер телефона, — мрачно проговорила Алиса.

— Может, дата? — высказал предположение Гэбриэл, снова натягивая куртку.

— 14 ноября 1997 года... Что ж, может быть...

Гэбриэл постарался поймать взгляд француженки.

— Послушайте, не можем же мы и дальше странствовать без денег и документов.

— И что вы предлагаете? Пойти навестить полицию и сказать, что вы украли машину?

— Первая кража за вами!

— Ах, вот оно что! Да-а, смелости вам не занимать. Вот что значит настоящий джентльмен! И как все просто, я не я, и лошадь не моя.

Гэбриэл сделал над собой усилие и не стал вступать в перепалку.

— Я знаю одного парня в китайском квартале, он дает деньги под заклад. К нему обращаются наши ребята-музыканты, когда доходит до края и приходится закладывать инструмент.

Алиса почувствовала какой-то подвох.

— И что же вы намерены заложить? Свое пианино?

Гэбриэл криво усмехнулся и взглянул на запястье парижанки.

— Единственная вещь, которая у нас есть, это...

Алиса отпрянула.

— И не мечтай! Даже в самом страшном сне я не...

— Погодите! Это ведь «Патек Филипп», так ведь? За ваши часы можно получить по крайней мере...

— Я сказала — нет! — повысила голос Алиса. — Это часы моего мужа!

— А что у нас есть еще? Ничего. Кроме чужого мобильного.

Увидев, что Гэбриэл трясет смартфоном, который он достал из кармана, Алиса чуть не придушила своего спутника.

— Телефон все еще у вас?! Я же сказала вам его выкинуть!

— И речи быть не может! Он слишком тяжело нам достался, и это наше единственное достояние. Он нам еще послужит.

— Нас с ним засекут в две минуты! Вы что, никогда не читали детективов? Не смотрели кино?!

— Смотрел, успокойтесь. Но мы же не в кино.

Алиса открыла было рот, чтобы обругать олуха как следует, но остановилась и прислушалась. Ветер донес характерный завывающий звук полицейской сирены. Она повернула голову и увидела, что полицейская машина стоит на светофоре. Погас красный, и машина с крутящейся мигалкой и сиреной двинулась в их сторону.

* * *

— Бежим! — крикнула Алиса, хватая Гэбриэла за руку.

Они рванули к «Мини Куперу». Алиса скользнула на сиденье и включила зажигание. Ван-Брант-стрит заканчивалась тупиком, полицейская машина за спиной лишала их возможности ехать тем же путем, каким они приехали.

«Придется напролом!»

Выход один — решетчатые ворота, через которые можно попасть на набережную. Но они заперты на цепь.

«Другого выхода нет!»

— Пристегните ремень! — скомандовала Алиса и рванула так, что колеса взвизгнули.

Вцепившись в руль, Алиса направила «Мини Купер» на предельной скорости прямо между двух створок. Цепь с лязгом поддалась, и они вылетели на трамвайную линию, которая в давние времена окружала завод.

Гэбриэл открыл окно и выбросил мобильник.

— Несколько поздновато, — сообщила Алиса, испепеляя его взглядом.

Алиса сидела так низко, что ей казалось, она ведет не настоящую машину, а игрушечную. Из-за маленьких колес и длинного корпуса «Мини Купер» на неровной поверхности набережной трясся и подпрыгивал.

Зеркало заднего видения сообщило, что полицейская машина сидит у них на хвосте. Алиса гнала по набережной вдоль моря и вдруг заметила улочку, уходящую вправо. И мигом туда свернула. Асфальт под колесами позволил ей увеличить скорость до предельной, и они помчались на север.

К этому времени движение в Бруклине становится все плотнее и плотнее.

Алиса дважды проехала на красный свет, рискуя спровоцировать аварию, но от полицейской машины не оторвалась, та по-прежнему висела на хвосте, тоже прибавив скорость.

По части удобства «Мини Купер» был не самым лучшим вариантом, но с дорогой справлялся неплохо. Алиса на полном ходу сделала резкий поворот, собираясь вернуться на главную артерию квартала.

И тут в зеркало заметила, что грозный «Таурус» совсем близко.

— Они уже прямо за нами! — запаниковал Гэбриэл, обернувшись.

Алиса подумала, не нырнуть ли ей в туннель, который ведет к скоростной автостраде. Искушение слиться с потоком машин было велико, но на скоростной автостраде «Мини Купер» уж точно не выдержат конкуренции с восемью лошадиными силами преследователя.

Алиса снова положилась на интуицию. Притормозила и резким поворотом руля выбросила машину на дорожку, которой пользуются рабочие-аварийщики, чтобы попасть на крышу подземного перехода.

— Решили нас прикончить? — рывкнул Гэбриэл, вцепившись в ремень безопасности.

Одной рукой держа руль, другой преклячая скорости, Алиса проехала метров двадцать по гравию. Машина уже начала вязнуть, но тут Алисе удалось въехать на бетонированную полосу, которая ведет к кварталу Коббл-Хилл.

«Еще немного, и...»

Руль влево, потом вправо, прибавить скорость, потом сбросить, и вот машина вырулила на торговую улицу с ярко раскрашенными магазинчиками: мясная лавка, итальянская бакалея, кондитерская и даже парикмахер, готовый побрить и постричь!

«Слишком людно!»

Преследователь по-прежнему маячил сзади. Пользуясь маневренностью «Мини Купера», Алиса виляла между машин и наконец свернула с этой слишком людной улицы и покатила по жилому кварталу.

Пейзаж вокруг изменился. Фабрично-заводская промзона Ред-Хука уступила место мирному пригородному кварталу: небольшая церковка, маленькая школа, садики перед чередой одинаковых красных кирпичных домиков.

Улица была узкой, но Алиса не снижала скорости. По-прежнему давила на газ, пригнувшись к ветровому стеклу, одержимая только одной мыслью.

За стеклом проносилась улица. Всякий раз, как Алиса меняла направление, корпус машины издавал резкий треск, и казалось, что она вот-вот развалится.

Они миновали какой-то проулок, Алиса резко притормозила, подала назад и, вновь прибавив скорость, въехала в него.

— Сюда нельзя! Здесь одностороннее движение!

Мало этого! На середине дороги остановился фургон и заблокировал движение.

— Тормозите! Мы сейчас врежемся в грузовик UPS!

Алиса будто не слышала предупреждений, наоборот, прибавила скорость и выскочила на тротуар. Старенькие амортизаторы не выдержали и сдохли. Выключив клаксон, Алиса мчалась по тротуару. Глянув в зеркало заднего вида, она убедилась, что полицейская машина, не имея возможности ехать по тротуару, уперлась носом в стоящий грузовик.

«Несколько секунд передышки!»

Маленькая машинка продолжала нестись по тротуару, но в конце концов, резко вильнув вправо, съехала на мостовую.

Теперь перед ними за литой решеткой виднелся английский парк Коббл-Хилл.

— Вы знаете, где мы находимся? — спросила Алиса, сбавив скорость, когда они подъехали к ограде парка и поехали вдоль нее.

Гэбриэл принялся читать дорожные указатели.

— Сверните налево, и мы попадем на Атлантик-авеню.

Алиса последовала его указанию, и они выехали на четырехполосную магистраль, которая пересекает Нью-Йорк с востока на запад, начинаясь от аэропорта Джона Кеннеди и заканчиваясь на берегу Ист-ривер. Алиса тут же узнала огромный проспект. Они с Сеймуром проезжали здесь на такси, направляясь в аэропорт.

— Мы ведь где-то неподалеку от Манхэттенского моста? Я не ошиблась?

— Он у нас за спиной.

Она повернула на съезд. Вскоре они добрались до развязки, через которую шла автострада в Манхэттен. Вдалеке виднелись серые пилоны подвесного моста. Две металлические башни, соединенные сплетением проводов и тросов.

— Опять позади нас!

Полицейская машина вновь следовала за ними.

«Слишком поздно! Направление не менять!»

Теперь у них было два варианта: или двигаться по направлению к Лонг-Айленду, или возвращаться в Манхэттен. Они выбрали въезд 29А, который вел на мост. Семь полос для автомашин, четыре — для поездов метро и одна — для велосипедистов. Манхэттенский мост, словно огромный людоед, поглощал людей и транспорт Бруклина, чтобы выплюнуть их на берегу Ист-ривер.

Внезапно шоссе сузилось. Чтобы въехать на мост, нужно было сделать петлю по неширокой асфальтовой дороге. Естественно, сразу возникла пробка. Автомобили ползли бампер к бамперу. Завязнув в пробке, Алиса зажгла фары, как зажгли их все остальные. Полиция ползла метрах в ста за ними. Напрасно завывала сирена. Этот участок дороги

настолько узкий, что машинам было просто некуда податься и освободить для них путь. Но и у беглецов не было возможности хоть куда-нибудь улизнуть.

— Попались, — вздохнул Гэбриэл.

— Пока нет. Мы еще можем проехать по мосту.

— Да ладно! Подумайте сами, мало того что у них уже есть наши приметы, теперь они знают, на какой мы машине. Даже если нам удастся проехать мост, на выезде нас примет другой патруль!

— А сбавить тон можно? Напоминаю, что засекли нас из-за вас. Я же сказала, что телефон нужно выбросить.

— Возразить нечего, виноват.

Алиса на секунду прикрыла глаза. Нет, она не думала, что у полиции есть их приметы, да это, по сути, и не важно. Кейн прав, полиция знает их машину. Машина — вот главная проблема.

— Вы совершенно правы, — признала Алиса, открыв глаза.

Видя, что впереди автомобили движутся уже чуть живее, она отстегнула ремень и открыла дверцу.

— Садитесь за руль, — распорядилась она, посмотрев на Гэбриэла.

— Вы сказали, я прав. А в каком, собственно, смысле?

— Наша таратайка привлекает внимание. Сейчас попытаюсь это исправить.

Недоумевая, Гэбриэл занял место за рулем. На въезде, который шел вверх и вел непосредственно к мосту, машины уже двигались, но черепашьим шагом. Гэбриэл прищурился, следя за Алисой и стараясь не потерять ее из виду. Способности этой женщины не переставали его изумлять. Алиса пробиралась между медленно движущимися машинами. И вдруг! Гэбриэла прошиб холодный пот. Алиса вытащила из-под куртки револьвер. Она стояла возле «Хонды». Старенькой «Хонды» бежевого цвета.

«Машина господина Как-у-всех», — тотчас сообразил Гэбриэл.

Зажав револьвер в руке, Алиса направила дуло в окно. Женщина, сидевшая за рулем, выскочила, не ожидая продолжения. До смерти перепуганная, она поспешно кинулась к барьеру, ограждавшему дорогу, перелезла через него и побежала вниз по откосу.

Гэбриэл присвистнул от восхищения. Обернулся посмотреть, где находится полиция. Копы стояли внизу, у начала подъема. На таком расстоянии они ничего не могли увидеть.

Гэбриэл выскочил из «Мини Купера» и пересел к Алисе в «Хонду». Как раз вовремя. Они выехали на мост.

* * *

Гэбриэл подмигнул Алисе и, чтобы разрядить напряжение, пошутил:

— А я-то уже привязался к крошке англичанке! Она куда шустрее этой калоши!

Но Алисе было не до шуток, лицо ее стало каменным.

— Вместо того чтобы валять дурака, загляните лучше в бардачок.

Гэбриэл послушно открыл бардачок и обнаружил там то, чего ему больше всего не хватало с раннего утра, — пачку сигарет и зажигалку.

— Вот подарок так подарок, — сказал он, закуривая.

Сделал две длинные затяжки и протянул сигарету Алисе. Не отпуская руля, она тоже

затянулась. От табачного дыма сразу закружилась голова. Непременно нужно что-то съесть, иначе и в обморок упасть недолго.

Алиса открыла окно и глотнула свежего воздуха. Справа тысячью огней сияли небоскребы Мидтауна, а слева ряды жилых домов Нижнего Ист-Сайда, они напомнили ей описания из старых детективов, которые так любил ее муж Поль.

«Поль...»

Алиса не позволила себе углубляться в воспоминания и глянула на часы. Прошло уже больше часа с тех пор, как они — неведомо по какой причине — проснулись в парке. С тех пор расследование не продвинулось ни на шаг. Тайна по-прежнему оставалась тайной, а вопросов только прибавилось. Да и положение их стало еще более уязвимым и опасным.

Ситуацию нужно было прояснить как можно быстрее. Ее спутник прав, без денег они ничего не смогут сделать.

— Говорите адрес вашего ростовщика, — распорядилась Алиса, как только они оказались на Манхэттене.

6. Китайский квартал

Стареть — значит больше не бояться прошлого.

Стефан Цвейг

Автомобиль пересек улицу Бауэри и повернул к Мотт-стрит. Алиса нашла местечко для парковки возле лавки, где продавались китайские лекарственные травы. Узковатое местечко, но ей удалось безупречно вписаться между «Газелью» и фуд-траком, продающим димсам.

— Если память мне не изменяет, ростовщик живет чуть подальше, вниз по улице, — уточнил Гэбриэл, хлопнув дверцей «Хонды».

Алиса заперла машину и двинулась вслед за ним.

Они спешили и шли очень быстро по главной артерии квартала. Мотт-стрит — узкая улица, всегда оживленная, всегда бурлящая народом. Она похожа на коридор между жилыми домами из темного кирпича с пожарными лестницами и пересекает весь китайский квартал с севера на юг.

Для пешеходов — это бесконечная череда лавчонок с самыми разнообразными витринами и вывесками, тут и салон тату и акупунктуры, тут и украшения, тут и фальшивые предметы роскоши, бакалейные магазинчики, кулинарии с выставленными черепаховыми панцирями и связками уток лаке на шестах.

Довольно скоро Алиса с Гэбриэлом добрались до дома с серым фасадом, на котором красовался гигантский неоновый дракон. Вывеска «Ломбард. Купля. Продажа. Кредит» мигала в сером утреннем свете.

Гэбриэл толкнул дверь и вошел. Алиса за ним. Сумрачный коридор привел их в довольно большую комнату без окон, освещенную тусклым светом. Прогоркло пахло затхлостью.

На металлических полках стеллажа вдоль стены теснились самые неожиданные вещи. Телевизор с плоским экраном соседствовал с дорогой дамской сумочкой, музыкальные инструменты — с чучелами зверей и абстрактными картинами.

— Ваши часы, — проговорил Гэбриэл и протянул руку.

Алиса застыла у стены, охваченная сомнениями. После смерти мужа она поспешно избавилась от всех вещей, которые напоминали о том, кого она так любила. Рассталась с его одеждой, книгами, даже с мебелью. Теперь у нее остались только его часы, «Патек Филипп», червонного золота с календарем, показывающим фазы луны. Полю они достались от бабушки.

Мало-помалу часы стали ее талисманом, зримой связью с ушедшим мужем. Алиса надевала их каждый день, повторяя движения, которые каждое утро делал Поль, — надевала на запястье кожаный браслет, подтягивала его, застегивала, заводила часы, протирала циферблат.

Часы действовали на Алису успокаивающе, приносили ощущение, пускай обманчивое, что Поль все еще с ней, что он где-то рядом...

— Прошу вас, — настойчиво напомнил Гэбриэл.

Они двинулись к стойке-витрине, защищенной армированным стеклом, за которой стоял молодой китаец, очень ухоженный, с внешностью андрогина: модельная стрижка, гиковские очки, джинсы в обтяжку, распахнутая узкая куртка и футболка с флуоресцентным рисунком

Кита Харинга.

— Чем могу быть полезен? — осведомился китаец, заправляя длинную прядь за ухо.

Стильный, холеный, он словно бы подчеркивал грязь и убогость окружающей обстановки. Алиса скрепя сердце сняла часы и положила на стойку.

— Сколько?

Ростовщик взял бесценные часы и внимательнейшим образом их осмотрел.

— У вас есть документ, подтверждающий их подлинность? Сертификат фирмы? — осведомился он.

— Не при себе, — отозвалась молодая женщина, не глядя на него.

Китаец продолжил знакомство с хронометром, подвигал стрелки, покрутил колесико завода.

— Осторожнее, часы очень хрупкие! — вскинулась молодая женщина.

— Я исправил дату и время, — ответил китаец, подняв голову.

— Исправили? Ну и оставьте их в покое! Говорите, берете или нет?

— Я могу предложить вам за них пятьсот долларов, — сказал китаец.

— Вы что, больной?! — взорвалась Алиса, забирая часы со стойки. — Они коллекционные! Стоят в тысячу раз больше!

Она уже пошла к выходу, но Гэбриэл удержал ее за рукав.

— Прошу вас, давайте поспокойнее, — попросил он, отводя Алису в сторону. — Вы же не продаете часы вашего мужа, понимаете? Просто-напросто отдаете их в залог. Мы их сразу же выкупим, как только все у нас наладится.

Алиса, не соглашаясь, покачала головой.

— Не может быть и речи. Будем искать другое решение.

— У нас нет другого решения, и вы это прекрасно знаете, — отчеканил Гэбриэл, повысив голос. — Послушайте! Время не ждет. Нам нужно хоть что-то поесть, чтобы восстановить силы. Мы ничего не сможем предпринять без единого цента в кармане. Подождите меня здесь и дайте мне возможность поторговаться с этим типом.

С неизъяснимой горечью в душе Алиса протянула Гэбриэлу часы-браслет и вышла из лавочки.

Стоило ей выйти на улицу, как у нее перехватило дух от острого запаха пряностей, копченой рыбы, тушеных грибов. А еще несколько минут назад она ничего этого не замечала. Внутренности у нее резко скрутило, и она вынуждена была наклониться над урной и опять выплюнуть едкую горькую желчь, которую выделил пустой желудок. Выпрямившись, Алиса прислонилась к стене, пытаясь справиться с головокружением.

Гэбриэл прав. Необходимо хоть как-то подкрепить силы.

Алиса протерла глаза и с удивлением обнаружила, что по щекам у нее текут слезы. Ноги ослабли, колени подламывались. Ей было очень плохо на этой ароматной улице, того и гляди потеряешь сознание. Сейчас она начала расплачиваться за сверхусилия этого утра. Распухшее запястье горело как в огне, мышцы руки болели.

Но главным было не это. Одиночество, неприкаянность — вот что больше всего угнетало молодую женщину. Она была одна — и в отчаянии.

Ослепительные вспышки воспоминаний загорались у нее в мозгу. Расставание с часами оживило мучительное для нее прошлое. Оно вернуло ей Поля. Их первую встречу. Ее безоглядную влюбленность. Ее ослепление. Счастье. Неистовую любовь, дававшую ей силы преодолеть любые страхи.

Воспоминания потекли потоком. Забили гейзером.

Воспоминания о счастливых днях, которые никогда не вернуться.

Я вспоминаю...

Три года назад

Париж

Ноябрь 2010

Потоки воды, дождь льет как из ведра.

— Поворачивай направо, Сеймур, это и есть улица Святого Фомы Аквинского.

Дворники работали изо всех сил, стараясь справиться с ливнем, который обрушился на Париж. Несмотря на работу резиновых лап, полупрозрачный занавес почти тотчас же снова опускался на ветровое стекло.

Наша машина свернула с бульвара Сен-Жермен на узкую улицу, которая привела к площади с церковью.

Черные тучи затянули небо. Со вчерашнего вечера бушевала гроза, заливая Париж дождем. Казалось, что заодно размылось и все, что мы видели вокруг. Фасад церкви тонул в тумане. Серая пелена скрыла барельефы, спрятала каменную резьбу. Меж водяных струй виднелись лишь каменные ангелы по углам.

Сеймур объехал маленькую площадь и припарковался возле магазина прямо напротив гинекологического кабинета.

— Как думаешь, это надолго? — спросил он меня.

— Минут на двадцать, не больше. Врач подтвердила мне время приема по электронке. А я ее заранее предупредила, что заеду во время работы.

Сеймур взглянул на экран телефона, выясняя, какие получил сообщения.

— Слушай, тут неподалеку есть пивной бар. Я съезжу туда и куплю себе сэндвич, пока буду тебя ждать. Заодно позвоню на работу и узнаю, как дела у Савиньона и Крюши. Может, появилось что-то новенькое после допроса.

— О'кей. Сбрось мне эсэмэску, если будут новости. До скорого и спасибо, что проводил, — сказала я и вылезла из машины.

И сразу на меня обрушились потоки воды. Я натянула на голову куртку, стараясь хоть как-то защититься от дождя, и бегом пробежала десять метров, которые отделяли машину от гинекологического кабинета. Впустили меня сразу, и секунды ждать не пришлось. Войдя в холл, я увидела, что секретарша болтает по телефону. Полуулыбкой она извинилась передо мной и указала на дверь приемной. Я вошла и уселась в кожаное кресло.

С самого утра я жила в полном кошмаре — замучил цистит. И, надо сказать, острейший. Беда да и только. Больно, противно, каждые пять минут тянет в туалет, а писать-то как больно! И страшно становится, когда видишь кровь в моче.

Между нами говоря, только цистита мне сейчас и не хватало! Его одного, голубчика! Последние сутки моя группа работала на разрыв. Мы потели на допросах убийцы, добиваясь от него чистосердечного признания, потому что улики явно не хватало. А тут свалилось еще одно убийство.

Убитую, молодую женщину, нашли в ее квартире по адресу улица Фэзандри, в 16-м округе. Учительница начальной школы была зверски задушена чулком. Время уже шло к

трем, а мы с Сеймуром работали на месте преступления с семи утра. Сами расспрашивали всех соседей, сами обошли все окрестности дома. Я ничего не ела, меня тошнило, а каждвя попытка пописать — будто ножом режут.

Я достала из сумочки пудреницу, которую всегда ношу с собой, поглядела в зеркальце и попыталась хоть немного причесаться. Я была похожа на зомби, насквозь промокла, и мне казалось, что от меня несет псиной.

Я постаралась дышать поглубже, чтобы хоть немного успокоиться. От цистита я страдаю не в первый раз. Правда, сейчас прихватило совсем уж сурово. Но как бы паршиво ни было, я прекрасно знала: попьешь денек лекарство, и все как рукой снимет. Я так и собиралась сделать, сразу пошла в аптеку напротив дома. Но фармацевт заупрямился, ему, видите ли, нужен рецепт. Тоже мне формалист проклятый!

— Мадемуазель Шафер?

Услышав мужской голос, я подняла голову от пудреницы и взглянула на человека в белом халате. Вместо моей врачихи передо мной стоял красавец с крупным лицом, матовой кожей, вьющимися светлыми волосами и смеющимися глазами.

— Доктор Поль Малори, — представился он и поправил на носу очки в черепаховой оправе.

— Но мне назначено на прием к доктору Понселе...

— Моя коллега в отпуске. Разве она не предупредила вас, что я ее замещаю?

Я занервничала.

— Нет, не предупредила. Наоборот, подтвердила по электронной почте, что примет меня.

Я достала телефон и стала искать сообщение своей докторши в качестве подтверждения. Но когда перечитала, обнаружила, что парень прав. Кроме готовности принять меня в такой-то час, там еще говорилось, что моя врачиха в отпуске.

«Вот черт!»

— Проходите, — мягко пригласил он меня.

Честно говоря, я была не готова и колебалась. Я слишком хорошо знаю мужиков, чтобы пожелать себе мужика в качестве гинеколога. У меня не было никаких сомнений, что женщина женщину поймет гораздо лучше. Особенно в интимных, чувствительных, психологически некомфортных ситуациях. В общем, меня все это напрягло, но я вошла в кабинет, решив свести свой визит к минимуму. И сразу взяла быка за рога:

— Я вас не задержу, доктор, мне нужен всего-навсего рецепт на антибиотик от цистита. Обычно докор Понселе выписывала мне...

Доктор посмотрел на меня, нахмутив брови, и оборвал мою тираду:

— Простите, но мне кажется, что вы готовы даже рецепт выписать вместо меня. Надеюсь, вы понимаете, что я не могу выписать вам лекарство, даже не осмотрев?

Понимая, что все идет не по моему сценарию, я страшно разозлилась, но постаралась взять себя в руки.

— Я же сказала, у меня хронический цистит. Никаких других диагнозов быть не может!

— Нисколько не сомневаюсь, мадемуазель, но лечащий врач здесь я.

— Разумеется, я не врач, а полицейский детектив, но у меня работы выше крыши. Прошу вас, не заставляйте меня тратить время на дурацкие обследования, которые займут кучу времени!

— И тем не менее придется их пройти, — отрубил он, протягивая мне контейнер для

мочи. — И еще вы сдадите в лаборатории цитобактериологический анализ.

— Простите! Но может, вы не будете упираться, а? Пропишите мне антибиотик, и мы покончим с этим делом!

— Что вы зациклились на антибиотике? На свете много разных лекарств. Не упрямитесь, давайте вести себя разумно.

Внезапно я почувствовала, до чего устала и какая я бестолковая дура. Низ живота снова скрутило болью. Утомление, которое копилось во мне с того самого дня, когда меня назначили руководителем опергруппой, нахлынуло на меня, словно лава вулкана. На меня навалились все бессонные ночи, ужасы, страхи, призраки, которых невозможно прогнать.

Я чувствовала, что я на грани срыва, опустошена, обессилена. Что мне нужно солнце, горячая ванна, новая стрижка, более женственная одежда и две недели отдыха подальше от Парижа. Подальше от самой себя.

Я смотрела на доктора. Элегантный, ухоженный, спокойный. Красивое лицо дышит доброжелательностью, на губах ласковая улыбка. И чарующая. А его светлые волнистые волосы меня просто заворожили. И какие чудесные морщинки бегут у него от глаз к виску. А я такая уродина. И к тому же идиотка. Дура, которая пришла жаловаться на проблемы с мочевым пузырем.

— Вы достаточно пьете воды? — стал спрашивать он меня. — Имейте в виду, что циститы часто излечиваются, если пить по два литра воды в день.

Я его не слушала. У меня есть одно полезное свойство: упадническое настроение если и приходит, то тут же и улетучивается.

В голове вспышками загорались картины. Труп женщины на месте преступления, где мы работали сегодня утром. Клара Матюрэн, варварски удушенная нейлоновым чулком. Ее выкатившиеся глаза. Лицо, искаженное ужасом. Я не имею права терять время. Не имею права расслабляться. Я должна найти убийцу до того, как он совершит новое преступление.

— А лечение травами? — задал новый вопрос красавец-блондин. — Вы знаете, что травы могут совершать чудеса? В вашем случае, например, очень помогает клюквенный сок.

Я резко и совершенно неожиданно для него встала, взяла с его письменного стола блок рецептов и оторвала один.

— Вы совершенно правы, я сама выпишу себе рецепт.

Он был так обескуражен, что пальцем не шевельнул, чтобы мне помешать.

Я развернулась на сто восемьдесят градусов и вышла, хлопнув дверью.

* * *

Париж, 10-й округ

Месяцем позже

Декабрь 2010

7 часов утра

«Ауди» выезжает в потемках на площадь Колонель-Фабьен. Городские огни отражаются в окнах красивого здания из стекла и бетона, главной резиденции Коммунистической партии. Холод адский. Я включила отопление и объехала вокруг площади, собираясь свернуть на улицу Луи-Блан. Переезжая через канал Сен-Мартен, включила радио.

— *Новости Франции. Семь часов утра. В студии Бернар Томассон.*

— *Здравствуйте, Флоранс, здравствуйте все. Похоже, что накануне праздника Рождества главной новостью будет непогода. Метеорологическая служба Франции только что предупредила о снежной буре, которая собирается обрушиться на Париж ближе к полудню. Снег сильно помешает движению на дорогах области Иль-де-Франс...*

Черт бы побрал это Рождество! Черт бы побрал семейные обязательства! Какое счастье, что Рождество бывает только раз в году. Но для меня и одного раза слишком много.

В этот ранний час в Париже еще тихо и спокойно, о буране только объявили по радио. Но ждать его осталось недолго. Воспользовавшись полупустыми улицами, я мчусь мимо Восточного вокзала, сворачиваю на бульвар Мажента и пересекаю весь десятый округ с севера на юг.

Ненавижу мать, ненавижу сестру, ненавижу брата. Ненавижу ежегодные семейные встречи, которые всегда превращаются для меня в кошмар. Береника, моя младшая сестра, живет в Лондоне. У нее там художественная галерея на Нью-Бонд-стрит. Фабрис, старший брат, финансист, работает в Сингапуре. Каждый год он с супругой и детишками приезжает на два дня на виллу матери возле Бордо, чтобы встретить с ней Новый год, а потом отправляется дальше, в более солнечные и экзотические страны — на Мальдивы, остров Морис, Карибы.

— (...) *Метеослужба рекомендует не пользоваться автомобилями в Париже и его окрестностях, а также в департаментах, которые прилегают к столице с запада. Хотя трудно предположить, что кто-то будет осторожничать в этот предпраздничный день. Городские власти выражают также озабоченность, опасаясь не только снега, но и гололеда вечером на дорогах, так как температура обещает быть ниже нуля.*

Улица Реомюр, затем улица Бобур. Я пересекаю Марэ с запада и выезжаю на площадь Ратуши, которая сверкает огнями иллюминации. Вдалеке на темном еще небе вырисовываются массивные башни собора Нотр-Дам.

И в этот год, как во все предыдущие, я буду зрителем и участницей все того же спектакля, который с небольшими вариациями обязательно разыгрывается в эти два дня. Обожаемая мамочка будет возносить хвалы успехам Береники и Фабриса, их жизненному выбору, их карьере. Будет млеть, глядя на их детишек, расхваливать чудесное воспитание и школьные достижения. Все разговоры будут вертеться вокруг одних и тех же тем: иммиграция, налогообложение, French bashing.

Меня для моей семьи не существует. Я человек другого круга. Девочка, которая должна была родиться мальчишкой. Не изысканная, не умеющая быть элегантной. Не сделавшая карьеры неудачница. Дочь своего отца.

— *Затруднения могут коснуться некоторых линий метро и РЭРа. То же касается и авиалиний. Аэропортам Парижа грозит черный день, тысячи пассажиров не смогут вылететь и будут вынуждены дожидаться летной погоды.*

Зато от холода и снега будет избавлена долина Роны и Средиземноморское побережье. В Бордо, Тулузе и Марселе температура будет колебаться от пятнадцати до восемнадцати градусов тепла. А в Ницце и Антибе вы сможете завтракать на террасе. Столбик термометра поднимется до двадцати градусов.

Ей надоело, что ее судят эти жлобы. Она устала от их одинаковых вопросов: «Ты по-прежнему одна?» «Неужели ты не хочешь иметь детей?» «Почему ты всегда так безвкусно одета?» «Неужели не надоело жить как подросток?»

Ее тошнит от их вегетарианских обедов. Все во имя здоровья и красивой фигуры! Птичьи зернышки, тошнотворная киноа, соевые галеты, пюре из цветной капусты...

Я поехала по улице Кутельри, собираясь пересечь набережные и проехать по мосту Нотр-Дам. Чудесное место: слева старинные здания Отель-дье^[2], справа фасад Консьержери и крыша Часовой башни.

Каждое возвращение в родительский дом отбрасывает меня на тридцать лет назад, воскрешает все обиды детства, все раны подросткового возраста, оживляет противостояние с братом и сестрой, возвращает ощущение абсолютного одиночества.

Каждый год я говорю себе, что приезжаю сюда в последний раз, а на следующий год приезжаю снова. Сама не знаю почему. Одна моя половинка жаждет сжечь все мосты окончательно и навсегда, а другая готова потерпеть, чтобы увидеть, как у них вытянутся лица, когда я явлюсь одетая как принцесса под руку с мужем, безупречным во всех отношениях.

Левый берег. Я рулю вдоль набережной, потом поворачиваю налево на улицу Сен-Пер. Торможу, зажигаю аварийку и останавливаюсь на углу улицы Лиль. Хлопаю дверцей машины, надеваю на плечо оранжевую повязку и звоню в домофон красивого, недавно отремонтированного жилого дома.

Я держу палец на звонке секунд тридцать, не меньше. В начале недели мне в голову пришла одна мыслишка, которая, однако, потребовала кое-каких дополнительных сведений. Я понимаю, что совершаю безумство, но этого понимания маловато, чтобы я на него не пошла.

— Кто там? — спрашивает сонный голос.

— Поль Малори? Полиция. Извольте, пожалуйста, открыть.

— Конечно, но...

— Полиция, месье Малори, открывайте!

Домофон крикнул, и я открыла одну из тяжелых дверных створок. Я не стала садиться в лифт, помчалась через четыре ступеньки на третий этаж и забарабанила в дверь.

— Иду же! Иду!

Дверь открыл мой красавец гинеколог, но ранним утром он выглядел куда менее импозантно: спортивные штаны, старая футболка, взъерошенные светлые кудри, на лице удивление, усталость, беспокойство.

— Да я же вас знаю! Вы...

— Капитан Шафер, опербригада уголовного розыска. Месье Малори, сообщая вам, что вы взяты под стражу с сегодняшнего числа, четверга двадцать четвертого декабря с семи часов шестнадцати минут. Вы имеете право...

— Простите, но это какая-то ошибка. Скажите, по крайней мере, причину!

— Подлог. Использование фальшивых документов. Прошу следовать за мной!

— Вы шутите?

— Не вынуждайте меня просить подняться сюда моих коллег, месье Малори!

— Можно мне по крайней мере надеть брюки и рубашку?

— Одевайтесь быстрее. И возьмите теплую куртку, у нас в камерах проблемы с отоплением.

Пока он одевался, я оглядела комнату. Квартира времен Османа переделана в студию. Все излишества убраны. Сохранились только два мраморных камина с лепниной, перегородки сняты, на полу светлый паркет в елочку.

За дверью я заметила молодую женщину, рыженькую, лет двадцати. Завернувшись в простыню, она смотрела на меня круглыми от изумления глазами. Ожидание затягивалось.

— Шевелитесь, Малори! — крикнула я, стукнув кулаком в дверь ванной. — Сколько времени можно одеваться?!

Доктор вышел из ванной одетым с безупречной элегантностью. Он снова был в строгом пиджаке, клетчатых брюках, сияющих ботинках. Накинул габардиновое пальто, несколькими словами успокоил рыжую и вышел со мной на лестницу.

— И где же ваши коллеги? — осведомился он, когда мы вышли на улицу.

— Со мной никого нет. Не буду же я привозить весь уголовный розыск, чтобы поднять вас с постели.

— И машина вовсе не полицейская!

— Машина приближена к городской. Не поднимайте шума, садитесь на переднее сиденье.

Поколебавшись, он в конце концов сел рядом со мной.

Я включила зажигание, и мы молча двинулись в путь под светлеющим небом. Пересекли шестой округ, потом Монпарнас, наконец Поль попросил:

— Вы можете мне объяснить, к чему весь этот цирк? Вы прекрасно знаете, что я мог в прошлом месяце подать на вас в суд за кражу рецепта. Можете поблагодарить мою коллегу, она отговорила меня, найдя для вас кучу смягчающих обстоятельств. Если уж говорить начистоту, она употребила даже эпитет «чокнутая».

— Я тоже собрала о вас сведения, Малори, — сообщила я, доставая из кармана фотокопии документов.

Он взял в руки пачку бумаг и принялся читать, хмурия брови.

— И что это, собственно, доказывает?

— Доказывает, что вы выдали фальшивое свидетельство двум малийкам без документов о том, что они живут у вас, с тем чтобы им разрешили дальнейшее пребывание во Франции.

Он не собирался ничего отрицать.

— И что в этом такого? Неужели дружба, обычные человеческие отношения теперь считаются преступлением?

— Гражданский кодекс подобные действия квалифицирует по-другому. Подлог и использование подложных документов наказуются тремя годами тюремного заключения и штрафом в сорок пять тысяч евро.

— А мне-то казалось, что у нас в тюрьмах и так не хватает места! Скажите, а с каких пор уголовная полиция занимается гражданскими делами?

Мы уже были неподалеку от Монружа. Я срезала по Марешо, немного проехала по периферийке и выехала на А6, чтобы попасть на «Аквитанию», автостраду, которая ведет из Парижа в Бордо.

Когда Поль разглядел теплообменник в Виссу, он в самом деле забеспокоился:

— Скажите честно, куда вы меня везете?

— В Бордо. Я уверена, что вы любите вино и...

— Нет, я серьезно!

— Отпразднуем Рождество у моей матери. Вас очень хорошо примут, вот увидите.

Он обернулся, посмотрел, не сопровождает ли нас другая машина, потом пошутил, чтобы как-то успокоиться:

— Я все понял, ваша машина есть тюремная камера, так? Ведь в полиции тоже есть камеры для подсудимых?

Мы продолжали ехать, и я не пожалела нескольких минут и объяснила ему комбинацию,

которую задумала. Я закрываю глаза на историю с фальшивой пропиской, а он за это исполняет роль моего жениха на Рождество.

Несколько минут он молчал и внимательно смотрел на меня. Поначалу он просто не поверил во всю эту историю, но постепенно до него дошло.

— Господи! Самое ужасное, что вы не шутите! Неужели вы затеяли всю эту катавасию только потому, что вам не хватает мужества отстоять ваш жизненный выбор перед вашей семьей? Черт побери! Да вам нужен не гинеколог, а психоаналитик!

Я вытерпела его атаку и спустя несколько минут даже согласилась с ним. Так и есть, он прав, конечно. Я просто трусиха. И на что я, собственно, рассчитывала? Что его позабавит участие в моей маленькой постановке? Я почувствовала себя дурой из дур. Моя сила и моя слабость в том, что всегда, в первую очередь я слушаюсь интуиции, а не рассудка. Благодаря интуиции мне удалось распутать несколько очень сложных дел, что и позволило мне в тридцать четыре года оказаться в уголовной полиции. Но иногда интуиция подводит, увлекает неведомо куда. Идея представить красивого доктора моему семейству показалась мне теперь полным идиотизмом и нелепостью.

Покраснев, как помидор, я пошла на попятную:

— Вы совершенно правы. Простите меня. Сейчас развернусь, и вы вернетесь домой.

— Сначала остановимся у ближайшей автозаправки. У вас бензин почти на нуле.

* * *

Я залила полный бак лучшего бензина. Руки у меня стали липкими, а от запаха бензина закружилась голова. Когда я вернулась к машине, я не нашла Поля Малори на пассажирском месте. Подняла голову и увидела, что он в кафе и машет мне, чтобы я шла к нему.

— Я заказал вам чай, — сказал он, приглашая меня сесть.

— Неудачный выбор, я пью только кофе.

— Нет ничего проще, — улыбнулся он, вставая. И отправился к стойке, чтобы взять для меня кофе.

Этот парень обезоруживал меня своим спокойствием, каким-то английским джентльменством и умением сохранять класс при любых обстоятельствах.

Он вернулся две минуты спустя и поставил передо мной большую кружку с кофе и положил круассан в бумажном пакетике.

— Конечно, не от Пьера Эрме, но куда вкуснее, чем обещает внешний вид, — пообещал он, стараясь разрядить возникшее между нами напряжение.

И в подтверждение своих слов откусил от венской булочки, постаравшись как можно незаметнее подавить зевок.

— Подумать только! Вытащить меня в семь утра из кровати, когда я мог бы еще спать и спать!

— Я же сказала, что отвезу вас обратно. И вам уже ничего не мешает спать сколько угодно вместе со своей дульсинеей.

Он отхлебнул чай и спросил:

— Если честно, я вас не понимаю: к чему встречать Рождество с людьми, которые доставляют больше неприятностей, чем радости?

— Забудьте, Малори. Вы совершенно справедливо заметили, что вы не психотерапевт.

— А что думает об этом ваш отец?

— Мой отец давным-давно умер.

— Кому вы это говорите?! — воскликнул он и протянул мне свой смартфон.

Я посмотрела на экран, прекрасно зная заранее, что там увижу. Пока я управлялась, Малори залез в Интернет. Поиски очень быстро привели его к газетному сообщению о неприятностях с моим отцом.

Бывший «суперполицейский»

Ален Шафер приговорен к двум годам заключения

Три года назад арест Алена Шафера произвел эффект разорвавшейся бомбы среди полицейских города Лиля. Ранним утром 2 сентября 2007 г. комиссар Ален Шафер был арестован у себя на квартире полицейскими из генеральной инспекции служб, которые потребовали у него отчета по поводу его деятельности и его знакомств.

После следствия, длившегося не один месяц, полиция, расследующая преступления полицейских, смогла доказать существование коррупционной схемы, которая была организована этим высоким полицейским чином.

Полицейский, до этого вызывавший восхищение и уважение коллег, запятнал честь мундира, став своим «по другую сторону баррикад», завязав дружеские связи с крупными криминальными авторитетами. При изъятии наркотиков он не отправлял кокаин и анашу в вещдоки, а поощрял ими информаторов.

Вчера уголовный суд Лиля признал бывшего полицейского виновным в «пассивной коррупции», «пособничестве преступникам», «торговле наркотиками» и «нарушении профессиональной тайны».

На глаза у меня навернулись слезы. Уж кто-кто, а я наизусть знала все грехи моего отца!

— Вы просто жалкий проныра и ничтожество!

— Да неужели? И от кого же я это слышу?

— Да, мой отец в тюрьме, и что дальше?

— Может быть, вам лучше повидаться на Рождество с отцом?

— Знаете что? Не суйте нос в чужие дела!

Но он не отстал от меня:

— А могу я узнать, где он находится?

— Да вам-то какое дело?

— Он в Лиле?

— Нет, в Люине, возле Экс-ан-Прованса. Там, где живет его третья жена.

— Почему бы вам не поехать и не навестить его?

Я перевела дыхание и жестко сказала:

— Потому что я с ним больше не разговариваю. Из-за него я решила стать полицейским.

Он был моим идеалом, единственным человеком, которому я доверяла, и он предал мое доверие. Он лгал всем. Я никогда его не прощу.

— Ваш отец никого не убил.

— Вам этого не понять!

Вспыхнув, я вскочила со стула, готовая любой ценой вырваться из ловушки, куда сама себя загнала. Поль удержал меня за рукав.

— Хотите, я поеду с вами?

— Послушайте, Малори! Вы необыкновенно любезны, милы, вежливы и похожи на последователя далай-ламы, но мы с вами совершенно чужие люди. Я плохо поступила с вами, но я попросила у вас прощения. А если я вдруг захочу повидаться со своим отцом, то обойдусь без вас, договорились?

— Как хотите. Но Рождество такое время... Мне кажется, момент самый подходящий. А вам так не кажется?

— Мне кажется, что вы действуете мне на нервы! И мы с вами не в диснеевском мультике!

Он сочувственно улыбнулся. И я, сама того не желая, невольно призналась ему:

— Даже вздумай я туда поехать, это не так-то просто делается. С улицы в места заключения не войдешь. Нужно разрешение, нужно...

Он тут же воспользовался тем, что я приоткрылась.

— Но вы же работаете в том же ведомстве! Вы можете все уладить по телефону.

Я перестала обсуждать эту тему и решила переключиться на самого Поля.

— Будем говорить серьезно, — сказала я. — До Экс-ан-Прованса на машине не меньше семи часов. А в Париже ожидается снежная буря, так что вернуться нам будет трудно.

— А мы попробуем! — весело возразил он. — Не будем упускать шанса. Поведу я.

В груди у меня будто вспыхнул огонь. Я растерялась. И несколько секунд сидела в нерешительности. Я вдруг поняла, что готова поддаться его уговорам, но не могла понять, почему. Потому ли, что в самом деле хочу увидаться с отцом? Или потому, что хочу еще несколько часов провести с этим незнакомым человеком, который не осуждает меня, что бы я ни говорила, что бы ни делала?..

[Купить полную версию книги](#)

notes

Колоссальное оборонительное сооружение длиной 117 км, некогда пересекавшее Северную Англию, соединяя глубоководные эстуарии реки Солуэй на западе и реки Тайн на востоке.

Старейшая государственная больница Парижа.